

Комментарии о Государстве и Бизнесе

141

4–31 октября 2017 г.

ЧТО РАСТЕТ, КРОМЕ ЦЕН НА НЕФТЬ?

КОММЕНТАРИИ

ЦИКЛИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

СОИ: опять все надежды – на рост нефтяных цен

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Предварительные итоги 2017 г.: эйфория проходит, структурные проблемы остаются

ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС

Банк России поддержал рубль

НАСЕЛЕНИЕ

Богатые тоже плачут... причем сильнее, чем бедные

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Технологическая революция или технологическая эволюция?

ЭКОНОМИКА В «КАРТИНКАХ»

Все мнения, высказанные в данном Обзоре, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с официальной позицией НИУ ВШЭ

Что растет, кроме цен на нефть?

В конце октября цена на нефть Brent превысила 60 долл./барр. Год назад в это же время она колебалась около 50 долл./барр. Таким образом, благоприятная для российской экономики ситуация превышения ценами на нефть прошлогоднего уровня на 20% пока сохраняется (к предыдущему кварталу рост составил 6%). Между тем макростатистика за третий квартал 2017 г. оказалась по ряду ключевых позиций хуже второго квартала. Квартальный рост со снятой сезонностью наблюдался лишь в сельском хозяйстве и в строительстве; промышленность, грузооборот и оптовая торговля упали; а розничная торговля и услуги населению продолжили стагнировать.

Нельзя сказать, что возврат к росту цен на нефть привел к полному восстановлению докризисной модели, когда поступление нефтегазовой выручки активно транслировалось в рост внутреннего спроса и потребления. Политика бюджетной консолидации и введение временного бюджетного правила привели к тому, что при росте доходов федерального бюджета (включая нефтегазовые) на 17,9% (по данным за январь-август) расходы увеличились всего на 4,3%. Похожая ситуация сложилась и на уровне консолидированного бюджета в целом: при росте доходов на 14,2%, расходы выросли всего на 6,3%.

Остающийся в экономике объем нефтегазовой ренты в большой степени сконцентрирован у добывающих компаний. На фоне роста нефтегазовых доходов бюджета на 25% за январь-август сальдированная прибыль в нефтегазовом секторе выросла на 38%. Эти ресурсы генерируют инвестиционный спрос, попадают

в финансовую систему, но лишь ограниченно способствуют росту доходов населения и потребления.

Квартальная динамика основных индикаторов экономической активности

	Прирост кв/кв, % (с.у.)					
	2016 г.		2017 г.			
	III	IV	I	II	III	I-III
Сельское хозяйство	1,9	1,6	-3,0	-0,4	5,4	1,8
Промышленное производство	0,6	1,1	-0,8	2,8	-2,2	-0,2
Добыча полезных ископаемых	1,6	0,4	0,6	2,4	-1,1	1,9
Обрабатывающие производства	-0,1	1,7	-1,7	3,2	-2,8	-1,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,2	0,8	-1,4	2,1	-2,4	-1,7
Промышленное производство (альтернативная оценка)	0,9	1,4	0,3	0,9	-0,3	0,9
Добыча полезных ископаемых	1,0	1,0	-0,3	0,9	-0,7	-0,2
Обрабатывающие производства	0,7	1,2	1,2	1,1	0,4	2,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,6	4,2	-2,9	-0,2	-3,3	-6,3
Строительство	0,5	0,6	-3,7	-0,1	3,2	-0,7
Грузооборот	3,2	0,8	2,0	3,2	-0,5	4,7
Оптовая торговля	-0,4	-1,6	6,4	4,9	-4,0	7,0
Розничная торговля	-0,6	-1,2	2,3	0,6	0,3	3,3
Платные услуги населению	0,5	-0,1	0,4	-0,4	0,2	0,2
Базовые отрасли (ЦР)	0,6	0,3	0,5	2,2	-0,9	1,8
Базовые отрасли (ЦР, альтернативная оценка)	0,7	0,4	0,9	1,5	-0,2	2,2
ВВП	0,1	0,4	1,0	1,1	н/д	н/д
Внутренний частный спрос	-0,2	-0,7	0,9	0,3	0,8	2,0
Инвестиции	-0,7	-0,5	5,6	1,9	н/д	н/д

Источник: CEIC Data (Росстат), Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Создала ли эта ситуация – ограничения трансферта в экономику нефтегазовых доходов – действенные стимулы для развития ненефтегазовых секторов экономики? Сохраняющееся доминирование сырьевого сектора (лишь добывающие производства и грузооборот сильно выросли с начала кризиса и продолжили расти в 2017 г.) на данный конкретный момент, видимо, противоречит этой гипотезе, хотя возможно и то, что результат станет заметнее с течением времени – по мере накопления. При этом настораживает возобновление в третьем квартале оттока капитала по линии предприятий, которого практически не было со второго полугодия 2016 г., когда экономика «оттолкнулась от дна».

Впрочем, с формальных позиций инвестиционный климат в России улучшается. Последнее продвижение в рейтинге Doing Business (до 35-го места) произошло в основном благодаря улучшению макропоказателей и внешнеторговых процедур. Вместе с тем, как показывает другой рейтинг конкурентоспособности (ВЭФ), Россия продолжает оставаться в хвосте по целому ряду важнейших позиций – от качества автодорог до доступности технологий и независимости судебной системы.

*Наталья Акиндинова,
Николай Кондрашов*

Комментарии

Циклические индикаторы

1. СОИ: опять все надежды – на рост нефтяных цен

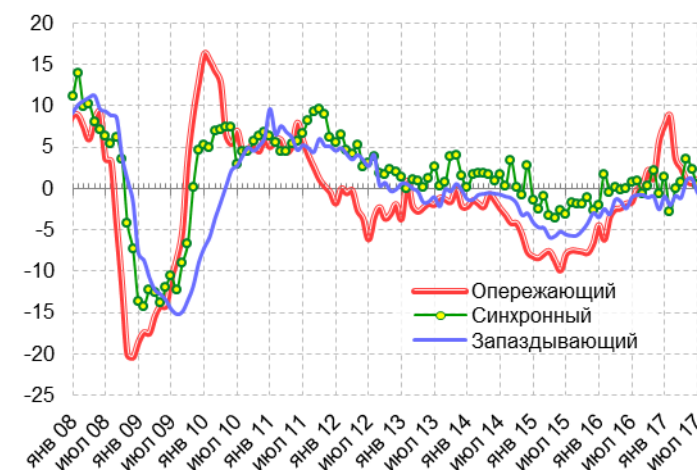
В сентябре 2017 г. Сводный опережающий индекс (СОИ) немного вырос по сравнению с предыдущим месяцем, но все-таки остался близким к нулю (1,4% в сентябре против 0,2% в августе). По-прежнему слабopоложительная динамика российской экономики – по существу стагнация – представляется наиболее вероятным сценарием.

В сентябре 2017 г. наибольший позитивный импульс исходил со стороны нефтяных цен. Средняя цена нефти Urals составила 55 долл./барр., что на 24% больше, чем в сентябре прошлого года (44,4 долл./барр.). Индекс РТС также вырос по сравнению с сентябрем прошлого года довольно заметно (на 15%), указывая, что участники фондового рынка смотрят на ближайшие перспективы российской экономики более оптимистично, нежели они смотрели на них год назад. Нужно отметить, однако, что осень прошлого года характеризовалось достаточно низким уровнем нефтяных и фондовых цен, так что сейчас «эффект базы» создает несколько более радужную картину, чем она есть «на самом деле».

Внутренний спрос по-прежнему остается слабым: индикаторы новых заказов и запасов готовой продукции в сентябре оба подали отрицательные сигналы, причем довольно отчетливые. Поскольку без оживления внутреннего спроса рассчитывать на ускорение роста особо не приходится, до конца года СОИ, скорее всего, будет колебаться на слабopоложительном уровне, указывая на замедление и без того не слишком высоких темпов роста. А к декабрю, когда «эффект базы» будет исчерпан, российская экономика вполне может опять начать пробуксовывать. Если только нефтяные цены не вырастут еще больше.

Сергей Смирнов

Рис. 1.1. Динамика сводных циклических индексов, январь 2008 г. – сентябрь 2017 г. (прирост за год), в %

Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

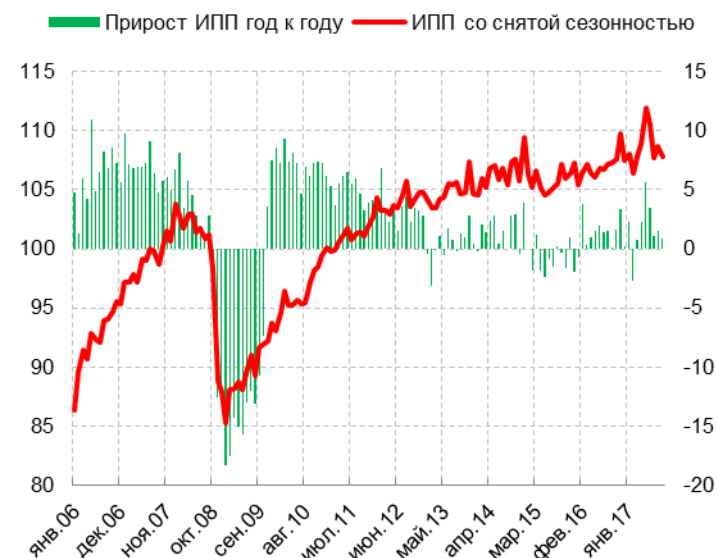
Реальный сектор**2. Предварительные итоги 2017 г.: эйфория проходит, структурные проблемы остаются**

В третьем квартале «восстановительный порыв» в промышленности иссяк; на фоне высокой базы прошлого года в четвертом квартале промышленность и экономика в целом, скорее всего, будут стагнировать. Чтобы темпы роста стали стабильно высокими, в российской экономике необходимо создать условия для структурных изменений.

В сентябре, по данным Росстата, темпы роста промышленного производства уменьшились до 0,9% год к году против 1,5% в августе (рис. 2.1), а в целом за третий квартал составили 1,4% против 3,8% во втором квартале. **Гипотеза о явном замедлении промышленного производства в последние месяцы подтверждается** и оценками со снятой сезонностью. Так, по данным того же Росстата, среднемесячный прирост промышленного производства с исключением сезонного и календарного факторов в первом квартале 2017 г. составлял около 0,2%, во втором – примерно 0,6%, а в третьем оказался уже около минус 0,6% (главным образом вследствие июльской коррекции). Это в целом близко и к нашим оценкам (рис. 2.1).

Всего за январь-сентябрь 2017 г. объемы промышленного производства увеличились на 1,8% относительно того же периода прошлого года, в том числе в добыче – на 2,8%, в обрабатывающей промышленности – на 1%, в секторе обеспечения электроэнергией, газом и паром – на 1,7%; в водоснабжении они снизились на 2,6%. При использовании нашей модели, прогнозирующей темпы роста промышленного производства в годовом выражении и использующей в качестве регрессоров опросные данные Росстата (ожидания относительно изменений условий ведения бизнеса в ближайшие 3–4 месяца) видно, что

Рис. 2.1. Динамика индекса промышленного производства (ИПП) в 2006 – сентябре 2017 гг., прирост год к году в % и со снятой сезонностью (2008=100%)

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

некоторое ускорение роста возможно только в октябре, в дальнейшем же прирост будет колебаться в окрестности отметки 1% год к году. При устранении сезонности и календарного фактора это будет означать стагнацию в промышленности. **Одной из причин такой ситуации будет снижение в четвертом квартале темпов роста добычи нефти относительно того же периода прошлого года,** когда объемы ее добычи (перед вступлением в силу соглашения нефтедобывающих стран об ограничении добычи) достигали пиковых значений.

За январь-сентябрь текущего года объемы добычи сырой нефти выросли на 0,5%, однако в сентябре наблюдалось падение на 2,6% год к году, в октябре при сохранении сентябрьских объемов добычи оно может заметно превысить 3%. В совокупности с намечающимся падением в конце года – под влиянием высокой базы прошлого года – темпов роста добычи газа, которая пока бурно растет¹, это может негативно повлиять на динамику промышленного производства в целом, особенно если учесть, что в 2017 г. обрабатывающая промышленность под влиянием слабого внутреннего спроса и низкой экспортной конкурентоспособности фактически не растет.

Основной вклад в рост экономики по-прежнему вносят добывающие сектора. По нашим расчетам, из 1,5% прироста объемов валовой добавленной стоимости в первом полугодии 2017 г. относительно того же периода прошлого года более половины (0,8 п.п.) связано с ростом добычи полезных ископаемых и оптовой торговли (розничная торговля, как известно, стагнирует) (табл. 2.1). Доля добычи полезных ископаемых в составе ВВП выросла за этот период на 1,5%, а доля обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства сократилась на 0,4%.

¹ Прирост добычи природного газа в годовом выражении в сентябре составил 7,3%, а в целом в январе-сентябре он был на уровне 13,3%.

**Таблица 2.1. Динамика и структура произведенного ВВП (ВДС)
в первой половине 2017 и 2016 гг.**

	Прирост, %	Вклад в прирост, п.п.	Доля 2017 г., %	Доля 2016 г., %	Изменение доли, п.п.
Добыча полезных ископаемых	4,1	0,4	10,9	9,4	1,5
Транспортировка и хранение	3,5	0,2	7,0	6,8	0,2
Чистые налоги на продукты	3,2	0,4	11,3	11,5	-0,2
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2,4	0,4	16,3	16,3	0,0
ВДС в основных ценах	1,5	1,5	100,0	100,0	
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	1,4	0,0	3,1	3,0	0,1
Деятельность финансовая и страховая	1,4	0,1	4,5	4,9	-0,4
Обрабатывающие производства	1,1	0,1	13,0	13,2	-0,2
Деятельность в области информации и связи	1,1	0,0	2,3	2,3	0,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	1,0	0,1	8,3	8,4	-0,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,0	0,0	1,0	1,0	0,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,9	0,1	9,8	10,4	-0,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	0,6	0,0	2,4	2,5	0,0
Образование	0,4	0,0	2,8	2,8	0,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-0,1	0,0	0,8	0,8	0,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-0,3	0,0	3,0	3,1	-0,2
Строительство	-0,3	0,0	4,9	5,0	-0,1
Водоснабжение и пр.	-1,3	0,0	0,5	0,5	0,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-1,4	-0,1	3,8	3,8	0,0
Деятельность профессиональная, научная и техническая	-2,1	-0,1	4,3	4,5	-0,2
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	-2,2	0,0	0,6	0,6	0,0
Предоставление прочих видов услуг	-2,3	0,0	0,5	0,5	0,0

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Таблица 2.2. Структура ВВП России в текущих ценах, в % (если не указано иное)

	2002	2013	2016	Изменение 2016-2013 (п.п.)	Изменение 2016-2002 (п.п.)
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	100	100	100		
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,3	3,0	4,0	1,0	-1,3
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,2	0,3	0,1	0,0
Добыча полезных ископаемых	5,9	8,1	8,5	0,4	2,6
Обрабатывающие производства	15,2	11,3	12,4	1,0	-2,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,2	2,7	2,8	0,1	-0,4
Строительство	4,7	6,1	5,6	-0,6	0,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	20,2	14,1	14,4	0,3	-5,8
Гостиницы и рестораны	0,8	0,8	0,8	0,0	-0,1
Транспорт и связь	9,0	7,0	7,1	0,0	-2,0
Финансовая деятельность	2,6	3,9	4,0	0,1	1,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,4	15,6	15,5	-0,1	6,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	4,5	7,1	7,1	0,0	2,6
Образование	2,6	2,3	2,3	0,0	-0,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,0	3,1	3,4	0,2	0,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,7	1,4	1,6	0,1	-0,1
Чистые налоги на продукты	11,5	12,7	9,9	-2,7	-1,6

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

В целом, с точки зрения изменения структуры экономики, в ней сейчас сохраняются все те неблагоприятные структурные тенденции, которые сформировались в 2000-е годы на фоне «нефтяного Эльдорадо». В частности, за 2002–2016 гг. доля добывающей промышленности и нефтепереработки в ВВП в текущих ценах выросла на 2,6 п.п. ВВП, а доля обрабатывающей – снизилась на 2,8 п.п. (с нефтепереработкой) (табл. 2.2). На устойчиво низком уровне сохраняются доли образования и здравоохранения: в 2016 г. на них вместе пришлось лишь 5,7% ВВП (5,6% ВВП в 2002 г.), что примерно в 1,5 раза меньше, чем в странах с аналогичным уровнем развития. При этом доля сектора госуправления, обеспечения военной безопасности и пр. выросла до 7,1% ВВП с 4,5% в 2002 г. (табл. 2.2).

В целом, несмотря на некоторые свидетельства оживления российской экономики, в ней сохраняются явные признаки перенесенной «голландской болезни», серьезные структурные перекосы, что требует создания условий для структурной перестройки экономики, увеличения в ней доли секторов–драйверов экономического роста, прежде всего обрабатывающей промышленности, сектора высокопроизводительных услуг, а также образования и здравоохранения.

*Валерий Миронов,
Людмила Коновалова,
Алексей Кузнецов,
Наталья Самсонова*

Платёжный баланс**3. Банк России поддержал рубль**

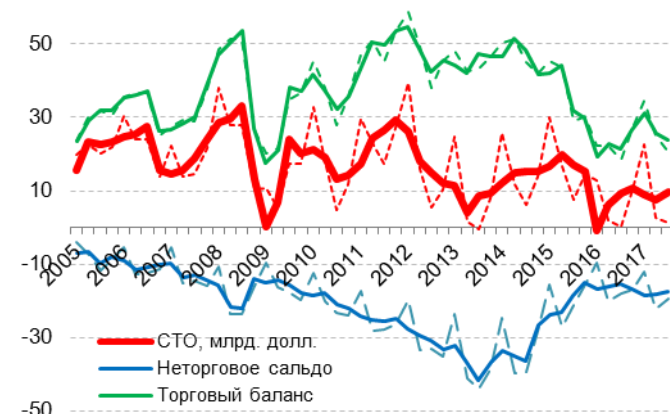
Рост оттока капитала частного сектора в условиях сбалансированного счёта текущих операций привёл к возникновению дефицита валютной ликвидности. В этих условиях Банк России в очередной раз предпочёл привлечь краткосрочные займы за рубежом и тем самым поддержать рубль.

Согласно оценке Банка России, в третьем квартале **сальдо счёта текущих операций (СТО) оказалось положительным** и составило 1,2 млрд долл. (рис. 3.1). При этом во втором квартале небольшой дефицит СТО был пересмотрен на профицит в размере 2,8 млрд долл. В то же время с устранённой сезонностью СТО на протяжении последних пяти кварталов изменялся в достаточно узком диапазоне 8–11 млрд долл. Можно выделить несколько ключевых тенденций, способствующих сохранению текущего профицита.

Во-первых, **рост стоимости экспорта** товаров. В третьем квартале выросла стоимость экспорта природного газа (на 10% по сравнению с предыдущим кварталом с устранённой сезонностью). Это связано с рекордным спросом на российский газ в европейских странах и закачкой газа в подземные хранилища. Пятый квартал подряд растёт стоимость экспорта нетопливных товаров (рис. 3.2), доля которых в общем объёме экспорта поднялась до 47% – максимального уровня с середины 2002 г. По всей видимости, сказывается благоприятная ценовая конъюнктура на рынках металлов, а также в части машиностроительной продукции.

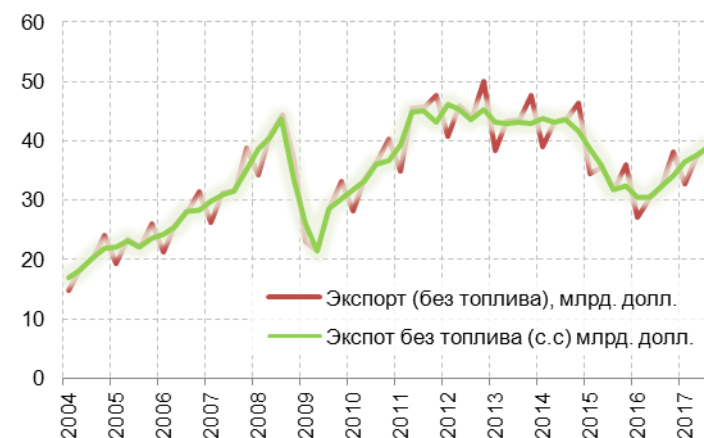
Во-вторых, **замедляется рост импорта**. В третьем квартале импорт товаров вырос на 2,7% (с устранённой сезонностью) к предыдущему периоду против почти 11% роста в начале года. В значительной степени замедлению импорта способствовала динамика курса рубля. Если за четвёртый квартал прошлого года рубль укрепился ко всем валютам на 16%, а в первом полугодии 2017 г. ежеквартальный рост

Рис. 3.1. Динамика счёта текущих операций (факт и с устранённой сезонностью), млрд долл.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3.2. Динамика стоимости экспорта без учёта топлива, млрд долл.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

снизился до 5–6%, то уже в третьем квартале рубль подешевел на 1,3%. Кроме того, **снижается стоимость импорта услуг** – почти на 3% в третьем квартале (с устранённой сезонностью). Наиболее сильно сократилась стоимость поездок за рубеж. Расходы населения, по всей видимости, больше ориентированы на внутренний рынок. В третьем квартале вырос как розничный товарооборот, так и услуги, несмотря на замедление роста заработных плат.

В целом текущие тенденции позволяют рассчитывать на рост **профицита СТО** в четвёртом квартале до **8–10 млрд долл.** Однако этих средств может не хватить для того, чтобы компенсировать ускорившийся отток капитала частного сектора.

В третьем квартале отток капитала составил 5 млрд долл. (1,4 млрд долл. годом ранее), в то время как кварталом ранее наблюдался небольшой приток. **Резко выросла интенсивность вывода капитала предприятиями** (до 14 млрд долл., рис. 3.3). Сальдо прямых и портфельных иностранных инвестиций (сумма по активам и обязательствам) вновь стало отрицательным после нетипичного профицита за предыдущий период и во втором полугодии прошлого года (приватизационная сделка Роснефти, сокращение зарубежных активов отдельными компаниями под влиянием западных санкций и др.). Из положительных моментов следует отметить продолжающийся второй квартал подряд рост внешнего долга предприятий (несмотря на значительный объем погашаемого долга в третьем квартале – почти 14 млрд долл., по данным Банка России), причём не только за счёт прямых инвесторов, но и в виде привлечённых кредитов на внешних рынках. Из отрицательных моментов выделяется рост оттока капитала по прочим операциям с активами, а также в виде чистых ошибок и пропусков – в совокупности почти на 8 млрд долл. Возможно, это связано с выводом средств российскими компаниями из отдельных банков (Югра, ФК Открытие, БИНБАНК).

Спрос на валюту со стороны предприятий частично был удовлетворён банками, главным образом за счёт масштабного сокращения своих зарубежных активов – более чем на 16 млрд долл. В больших объёмах активы сокращались лишь трижды за всю историю платёжного баланса. Похоже, в последнее время

Рис. 3.3. Динамика притока/оттока капитала частного сектора по секторам экономики, млрд долл.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

отдельные банки испытывали дефицит валюты, пришлось даже в конце сентября привлекать валюту у Банка России по валютным свопам на сумму 2,5 млрд долл. под 2,7% годовых.

Кроме банков **привлекали валюту и денежные власти**. Возможно, чтобы восполнить дефицит валютной ликвидности на внутреннем рынке, **Банк России резко нарастил краткосрочные ссуды и займы** за рубежом (например, по сделкам РЕПО под залог US Treasuries). В третьем квартале Центробанк привлёк 4,6 млрд долл., и по состоянию на конец сентября объем краткосрочной задолженности достиг рекордного уровня 11,5 млрд долл. (в соответствии с данными международной инвестиционной позиции, рис. 3.4). Однако рано или поздно эта задолженность должна быть погашена.

По-прежнему остаются привлекательными для нерезидентов **вложения в ОФЗ**. В третьем квартале обязательства Минфина по операциям на вторичном рынке выросли на 4,5 млрд долл. По нашим оценкам, нерезидентам принадлежат ОФЗ на сумму почти 32 млрд долл., а их доля в конце сентября превысила треть всего облигационного рынка по номиналу (из расчёта покупки ОФЗ в сентябре на сумму более 140 млн руб., рис. 3.5). Столь высокая доля нерезидентов, учитывая краткосрочность таких вложений, может стать серьёзным испытанием для денежных властей. С другой стороны, Минфин покупал валюту в соответствии с валютным правилом – в третьем квартале было приобретено около 2 млрд долл., а всего за год объем покупки может превысить 12 млрд долл.

Таким образом, **Банк России** за счёт высоких процентных ставок и привлечения краткосрочной валютной ликвидности на внешних рынках **активно поддерживает внутренний валютный рынок** (не затрагивая объем своих международных резервов). Без такой помощи, учитывая погашение внешнего долга до конца года, рубль может существенно подешеветь.

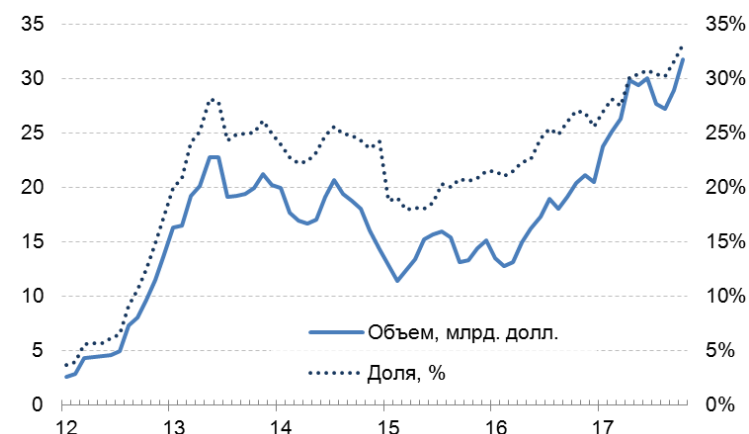
Сергей Пухов

Рис. 3.4. Сальдо операций с капиталом и финансового счета денежных властей (без учёта резервов), млрд долл.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3.5. Номинальный объем ОФЗ, принадлежащих нерезидентам, и доля нерезидентов на рынке

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Население

4. Богатые тоже плачут... причем сильнее, чем бедные

Социально-экономический кризис 2015–2016 гг. привел к падению реальных доходов населения. Начавшийся экономический рост пока только замедлил темпы их снижения. Какие группы населения сильнее пострадали от неблагоприятной социально-экономической ситуации в 2015–2016 гг.? Для каких групп ситуация развивается благоприятнее в 2017 г.?

Начавшийся экономический рост пока не привел к восстановлению доходов населения до докризисного уровня, хотя темп снижения реальных располагаемых доходов населения заметно замедлился по сравнению с 2015 и 2016 гг.: за 9 месяцев 2017 г. реальные располагаемые доходы населения сократились по сравнению с тем же периодом 2016 г. на 1,2%.

Однако сокращение доходов у разных групп населения происходило отнюдь не равномерно. Об этом можно судить на основе данных ОБДХ, о которых предварительно нужно сказать хотя бы несколько слов.

Следует иметь в виду, что данные о распределении располагаемых ресурсов и доходов собираются на базе Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата (ОБДХ) и не дают полного представления о доходах и ресурсах населения, так как населению свойственно, во-первых, забывать и/или скрывать данные о своих доходах, а, во-вторых, в выборке отсутствуют самые обеспеченные граждане Российской Федерации, которые, даже попав в выборку, отказываются от участия в обследовании. Эти проблемы в разной степени свойственны обследованиям бюджетов домашних хозяйств во всех странах мира. Для того чтобы уменьшить неполноту данных о доходах, в обследовании собираются данные в основном о расходах населения и на основании этих данных делаются оценки доходов и ресурсов.

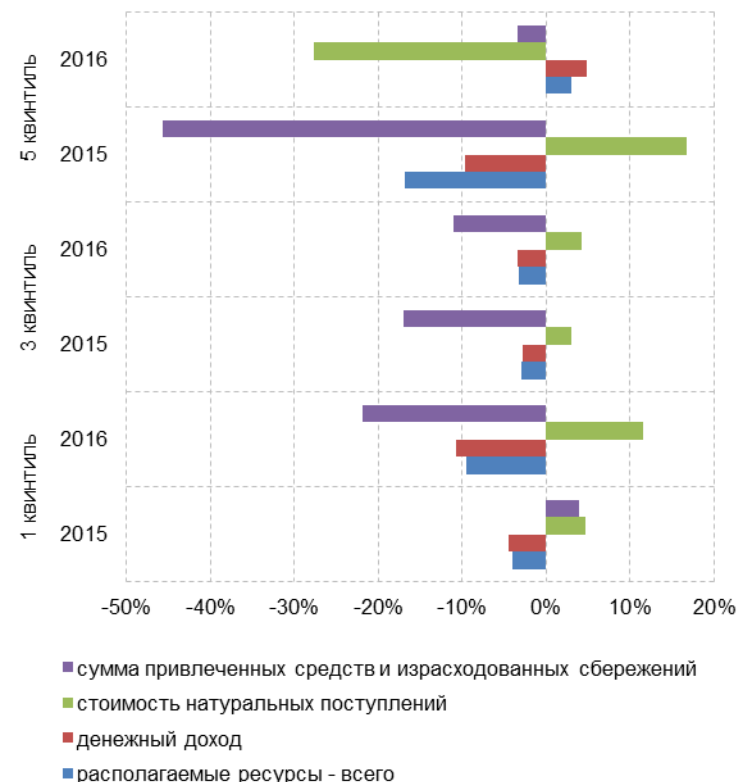
Для того чтобы получить более полные оценки доходов населения, Росстат уточняет оценки, полученные на основе ОБДХ, опираясь на данные государственной статистики, финансовой и банковской отчетности, установленной для всех основных каналов поступления и использования денежных средств населения с применением метода имитационного моделирования. Так, например, в 2016 г. среднедушевые ежемесячные доходы населения, оцененные на базе данных ОБДХ, были меньше их величины, полученной с помощью досчетов, на 29% (оценка Института «Центр развития» НИУ ВШЭ).

В 2015 г. по сравнению с 2014 г. наиболее заметно – на 16,8% – сократились располагаемые ресурсы (совокупность денежных доходов, сумм израсходованных накоплений и привлеченных (заемных) средств, стоимости натуральных поступлений) наиболее обеспеченного населения из 5-го квинтиля (рис. 4.1).² Данное снижение было обусловлено, прежде всего, падением денежных доходов (на 9,7%), а также снижением расходов, профинансированных за счет сбережений и заемных средств (на 45,6%). Снижение располагаемых ресурсов наименее обеспеченного населения (1-й квинтиль) в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составило 4%. Это снижение было в основном результатом сокращения денежных доходов этой группы населения (на 4,5%), тогда как сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений в 2015 г. этой группой населения оказалась на 3,9% больше, чем в 2014 г. При этом стоимость натуральных поступлений продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг увеличилась в 2015 г. и у 1-го (на 4,7%), и у 5-го квинтилей населения (на 16,7%).

Расходы на конечное потребление (состоят из потребительских расходов, а также оценки в денежном эквиваленте стоимости натуральных поступлений продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг) в 2015 г. сократились у 1-го квинтиля населения на 4,8%, у 5-го – на 15,7%.

² В целом показатель «располагаемые ресурсы домашних хозяйств» трактуется как объем денежных и натуральных (в стоимостной оценке) средств, которыми располагали домашние хозяйства для финансирования своего потребления и создания сбережений в период обследования.

Рис. 4.1. Динамика реальных располагаемых ресурсов населения в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов в 2015–2016 гг.

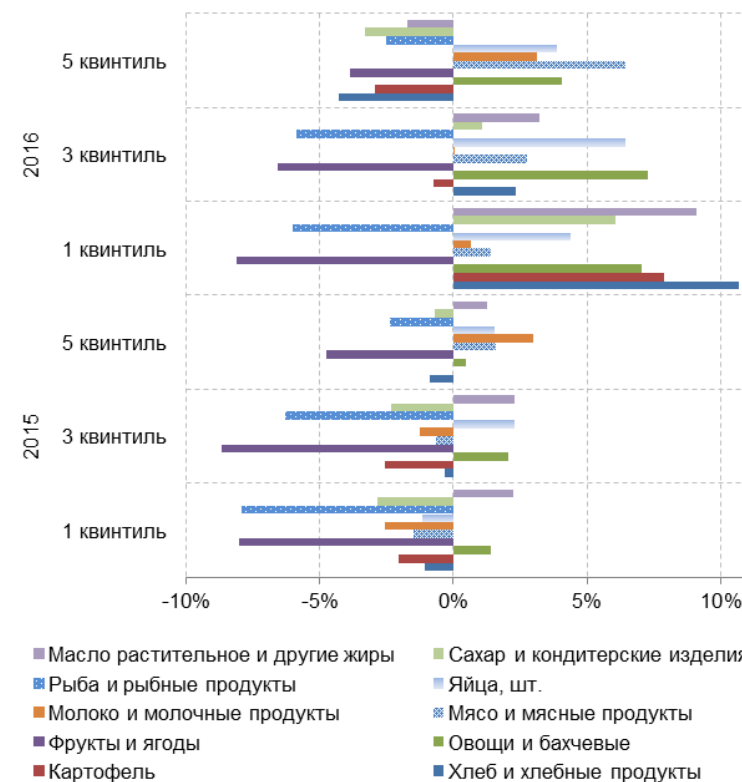
Источник: расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

По основным направлениям потребления расходы данных групп населения в 2015 г. по сравнению с 2014 г.:

- На питание дома – снизились у наименее обеспеченного населения и выросли у наиболее обеспеченного населения, а все расходы на питание снизились у обеих групп населения на 0,7% и 2,6% соответственно, так как у бедного населения выросли расходы на питание вне дома, а у богатого они снизились. Самым заметным проявлением снижения расходов на питание в условиях введения санкций на ряд пищевых продуктов и девальвации рубля в 2015 г. стало сокращение потребления фруктов и ягод и рыбы и рыбных продуктов, что ухудшило структуру питания населения при и так низком по сравнению с рациональными нормами питания потреблении этих продуктов (76 кг на чел. в год в 2014 г. при норме рационального питания 100 кг на чел. в год по потреблению фруктов и ягод, и 15,8 кг на малообеспеченного чел. в год в 2014 г. при норме рационального питания 22 кг на чел. в год по потреблению рыбы и рыбных продуктов; рис. 4.2);³
- На одежду и обувь снизились у обеих групп населения;
- На услуги ЖКХ и топливо: сократились у наименее обеспеченного населения, что может свидетельствовать как об увеличении задолженности об оплате услуг, так и о повышении обращаемости за субсидиями на оплату услуг ЖКХ, а также о снижении пользования личными автомобилями; но увеличились у наиболее обеспеченного населения;

³ Снижение потребления рыбы и рыбных продуктов у наиболее обеспеченного населения, видимо, можно назвать положительным последствием кризиса, если исходить из того, что в среднем население 5-го квинтиля потребляло в 2014 г. 27,8 кг рыбы в год на душу при норме в 22 кг. См. Рекомендуемые рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утв. Приказом Минздрава России от 19 августа 2016 г. №614.

4.2. Изменение потребления продуктов питания в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов в 2015–2016 гг. (100 = 2014 г.)

Источник: расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

- Расходы на предметы домашнего обихода, бытовую технику и уход за домом снизили как бедные, так и богатые, с одной стороны, в качестве реакции на снижение доходов и девальвацию рубля, с другой стороны – как результат попыток израсходовать имеющиеся средства на эти цели в 2014 г. с целью снижения их обесценения;
- Сократились расходы и обеспеченного, и бедного населения на алкоголь и табак, транспорт, связь, организацию отдыха и культурные мероприятия;
- Снизились расходы и малоимущего, и наиболее обеспеченного населения на здравоохранение и особенно образование; таким образом негативное влияние на человеческий капитал сокращения бюджетных расходов на эти цели было дополнено сокращением расходов населения (табл. 4.1).

Данные об изменениях располагаемых ресурсов населения в 2016 г. по сравнению с 2015 г. показывают, что денежные доходы наиболее обеспеченных домашних хозяйств начали расти, хотя и не восстановились до уровня 2014 г., а денежные доходы наименее обеспеченного населения еще больше снизились (рис. 4.1). Динамика значений показателей расходов на конечное потребление в 2016 г. по сравнению с 2015 г. приведена в табл. 4.1.⁴

⁴ Однако анализ данных 2016 г. затрудняется тем, что «формирование децильных групп до 2016 года производилось отдельно по городскому и сельскому населению. В целом по всему населению отдельного региона и России производилась суммирование в пределах каждой децильной группы. С 2016 года формирование осуществляется на основе объединенного массива по России в целом». Организационные и методологические положения выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2016 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Росстат. 2016. http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_102/Main.htm.

Таблица 4.1. Динамика показателей реальных расходов на конечное потребление населения в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов в 2015–2016 гг., %

Расходы на конечное потребление:	1 квинтиль		3 квинтиль		5 квинтиль	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
расходы на конечное потребление - всего	-4,8	-8,3	-5,0	-2,4	-15,7	10,6
домашнее питание	-1,4	-3,1	-0,6	1,3	1,9	7,5
денежные расходы	-2,4	-6,0	-1,0	0,6	1,5	11,6
стоимость натуральных поступлений продуктов питания	5,5	15,6	2,7	7,4	6,3	-28,6
поступлений из личного подсобного хозяйства	4,6	20,3	0,2	7,8	7,9	-32,5
полученных подарков и других поступлений	8,0	1,1	10,1	6,1	2,9	-20,1
алкогольные напитки, табачные изделия	-7,5	-5,8	-1,7	-0,4	-3,8	23,6
одежду и обувь	-5,7	-12,3	-6,5	-3,6	-8,8	23,1
жилищно-коммунальные услуги и топливо	-6,6	-12,1	-8,2	3,8	0,6	10,7
предметы домашнего обихода, бытовую технику и уход за домом	-12,5	-7,9	-13,1	-7,0	-25,2	25,0
здравоохранение	-9,4	0,2	-12,4	-1,6	-6,8	5,7
транспорт	-12,7	-20,2	-5,7	-6,0	-34,8	-6,3
связь	-11,8	-13,1	-10,9	-3,1	-13,1	17,1
организацию отдыха и культурные мероприятия	-6,5	-20,2	-15,1	-15,3	-19,4	25,0
образование	-18,2	-5,5	1,0	-25,7	-36,8	21,0
гостиницы, кафе и рестораны	25,7	-26,9	8,8	-21,0	-23,1	28,2
другие товары и услуги	-7,9	-15,0	-7,4	-4,8	-13,2	20,4
стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам	34,4	-10,7	93,0	-32,3	428,9	-41,9

Источник: расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Начавшийся экономический рост, как мы уже отмечали, не привел к восстановлению доходов населения до докризисного уровня. Данные о распределении доходов населения в зависимости от уровня благосостояния есть только за первый квартал 2017 г. Как видно на рис. 4.3, в первом квартале 2017 г. по-прежнему большие сокращения значений показателей располагаемых ресурсов характерны для наиболее обеспеченного населения в силу более высоких темпов падения доходов и ограниченных возможностей привлечения кредитов и сбережений. Социально-экономическое положение наименее обеспеченного населения становится лучше, но насколько это улучшение стабильно, будет ясно при анализе статистики за второй и третий кварталы 2017 г.

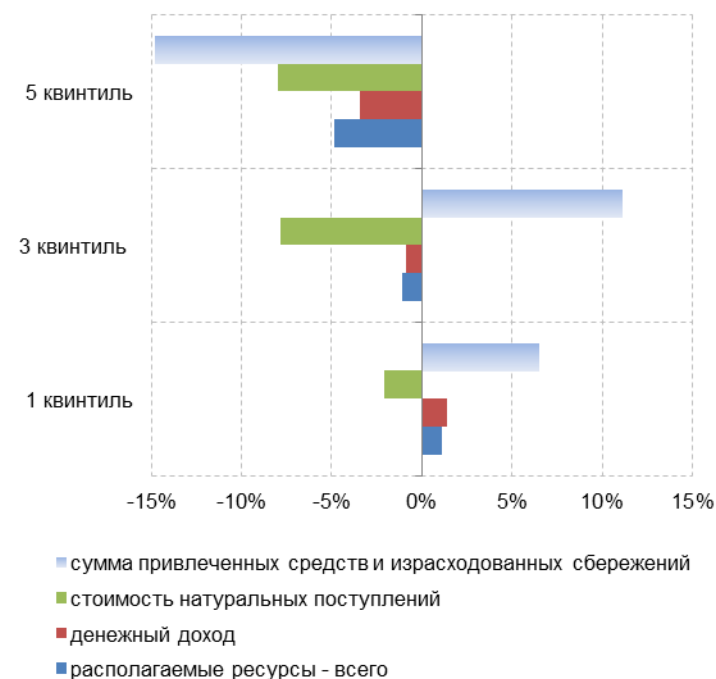
Расходы на потребление населения 1-го и 5-го квинтилей в первом квартале 2017 г. по сравнению с первым кварталом 2016 г.:

- На домашнее питание сократились на 0,2–0,6%;
- На одежду и обувь, услуги ЖКХ и топливо, а также предметы домашнего обихода, бытовую технику и уход за домом выросли у бедных (на 3,5, 1,6 и 0,5%), тогда как у обеспеченных они снизились (на 5,7, 4,1, 9,7%);
- Расходы на здравоохранение продолжали снижаться (на 1,7 и 14,9% соответственно);
- Расходы малообеспеченного населения на образование сократились на 4,4%, обеспеченного – увеличились на 6,6%.

Таким образом, социально-экономический кризис заметнее повлиял на более обеспеченное население (его потребление сократилось сильнее, чем у бедного населения); правда, для малоимущего населения и небольшое сокращение доходов сильно заметно, а судить о влиянии начавшегося роста пока трудно в силу отсутствия в настоящее время необходимых данных о потреблении.

Светлана Мисихина

Рис. 4.3. Динамика показателей реальных располагаемых ресурсов населения в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов в первом квартале 2017 г. по сравнению с первым кварталом 2016 г.

Источник: расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Реальный сектор

5. Технологическая революция или технологическая эволюция?

На фоне слабой динамики обработки (рост на 1% год к году за январь-сентябрь 2017 г.) ситуация в сфере высокотехнологичных секторов выглядит еще хуже. При этом активность в сфере создания новых технологий в целом по экономике демонстрирует лишь слабые признаки оживления при резком ухудшении ситуации в сфере добычи полезных ископаемых. Российской экономике необходимо усиление инновационного и технологического развития в области ее динамических (перспективных), а не статических (текущих) конкурентных преимуществ, сосредоточенных в основном в сырьевой сфере.

В условиях сложной демографической ситуации, когда значимого прироста трудоспособного населения в обозримой перспективе в России не будет, **обеспечить экономический рост и создать при этом условия для необходимых структурных изменений возможно лишь при условии увеличения темпов роста производительности труда и конкурентоспособности экономики, что невозможно без технологической модернизации** как на основе импортного оборудования и методов производства, так и на базе инноваций и создания собственных прорывных технологий. Кроме того, рост высокотехнологичных производств в условиях слабой динамики производства может быть сигналом оживления инвестиционной активности или экспортного спроса на российскую продукцию, а значит устойчивого выхода из стагнации.

Однако **пока наблюдаемая динамика высокотехнологичных производств российской промышленности не впечатляет**. По нашим оценкам, полученным на основе первичных данных Росстата по росту высокотехнологичных видов экономической деятельности в сфере обрабатывающей промышленности, в первом квартале 2017 г. их прирост год к году составил ноль процентов относительно того же периода прошлого года, во втором – минус 1,7%, в третьем –

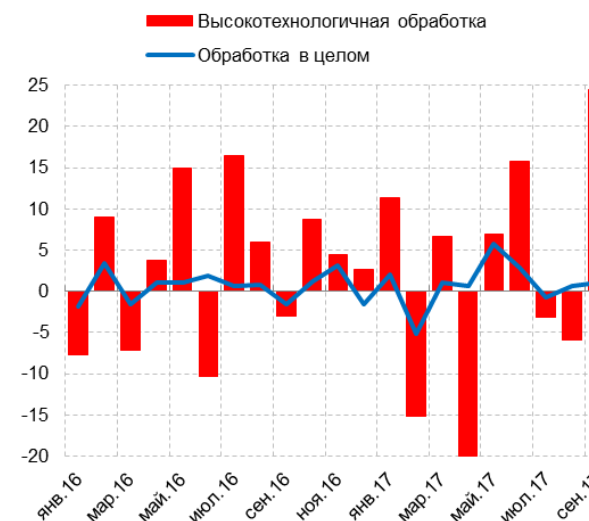
минус 1,6% (рис. 5.1). В целом за январь–сентябрь высокотехнологичные обрабатывающие производства сократили выпуск на 1,2% относительно того же периода прошлого года при том, что обработка в целом выросла на 1% (рис. 5.1).

В связи со стагнационной в целом динамикой российской экономики, далекой от необходимых для стабильности и развития страны темпов роста, возникает резонный вопрос: как на фоне мировых трендов технологического развития проявляет себя российская экономическая система?

Технологические изменения в мировой экономике идут весьма активно, хотя мы не склонны делать упор в объяснении причин ускорения технологического развития на замедлении темпов роста производительности труда в мировой экономике в последние десятилетия, как это сделано в только что вышедшем экспертно-аналитическом докладе ЦСР «Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России»⁵. Такое замедление действительно фиксируется статистикой, но выглядит несколько странно на фоне увеличения притоков ПИИ, роста вложений в человеческий капитал и все более активного включения предприятий большинства стран в глобальные цепочки добавленной стоимости в этот же период. **Возможно, что т.н. парадокс производительности (The Productivity Paradox), как его окрестили в экономической литературе, связан с тем, что статистика недоучитывает положительный вклад современных цифровых технологий и ИКТ в целом в производство ВВП, что ведет к занижению статистикой темпов роста производительности труда.** В связи с этим возникла дискуссия относительно причин этого «парадокса», который рассматривается либо как феномен некоего перехода, либо как долгосрочный тренд, либо как следствие ошибки измерения производительности труда (ММН –

⁵ Как указано в этом докладе, подготовленном под научным руководством В.Н. Княгинина: «В конце 2000-х – начале 2010-х годов в большинстве индустриально развитых стран проявилась тенденция к снижению темпов роста производительности. С 2011 года значения роста производительности колеблются в границах, не превышающих 1% в год (это в два и более раз меньше по сравнению периодами 1990-2000, 2000-2007 и 2007-2013 годов). Потенциал дальнейшего роста производительности в условиях существующего экономического и технологического уклада оказался близок к исчерпанию...» (с. 15-16).

Рис. 5.1. Индекс производства (прирост год к году, %) по обрабатывающей промышленности в целом и высокотехнологичным обрабатывающим видам экономической деятельности (ОКВЭД2), 2016 – сентябрь 2017 гг.

Источник: Росстат.

The Mis-Measurement Hypothesis), возникшей в связи с внедрением цифровых технологий (Big Data и др.) и новых бизнес-моделей (например, Air BnB и Uber Pop), что ведет к росту затрат труда, но не позволяет полностью учесть их эффект для потребителя в составе ВВП⁶. В связи с этим вопрос о том, примут ли происходящие изменения технологий характер настоящей революции, остается открытым. Но то, что Россия должна технологически ускоренно модернизироваться на фоне отставания ее обрабатывающей промышленности и сектора торгуемых высокотехнологичных услуг от конкурентов из-за длительного периода дешевого импорта и «голландской болезни», на наш взгляд, является несомненным фактом.

Какова активность российских компаний в сфере технологической модернизации? Подключение к каким сферам мировых технологических изменений наиболее актуально для России и как в связи с этим будет меняться структура ее экономики? Какова в связи с этим должна быть экономическая политика? Каким структурным изменениям она должна способствовать? Эти вопросы сейчас активно обсуждаются, готовятся фундированные доклады и статьи⁷. Отметим лишь несколько цифр и выскажем несколько соображений.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на всем известные проблемы (в частности, недофинансирования сферы науки и инноваций и утечки мозгов), ситуация не выглядит совсем уж безнадежной и, судя по статистике Росстата,

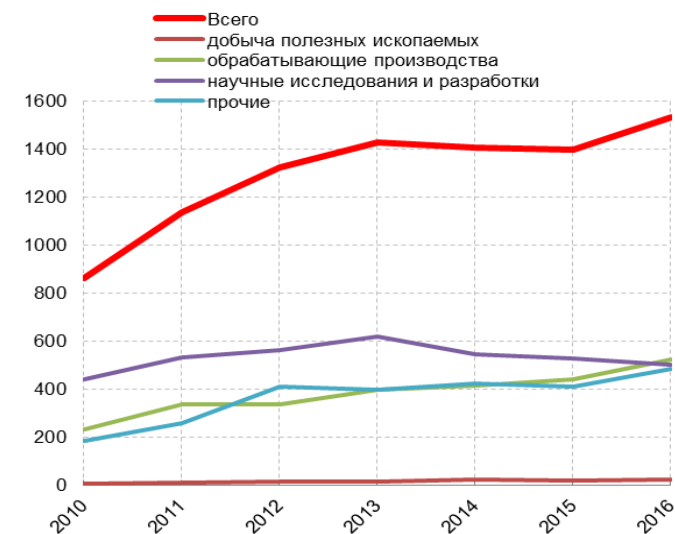
⁶ Довольно наглядно данную ситуацию иллюстрирует часто цитируемый пример со смартфонами, мировой объем продаж которых составляет около 1,5 млрд шт. в год. Как об этом говорит В. Казаков (далее примерное цитирование по смыслу), «учитывая, что каждый смартфон замещает, по некоторым оценкам, прежние гаджеты (навигаторы, переносные проигрыватели и пр.) стоимостью до 10 тыс. долл., рынок смартфонов можно оценить в величину примерно в \$15 трлн в год, то есть до 20% мирового ВВП. Если исходить из того, что эта скрытая стоимость формировалась за период в 10 лет, то получается, что в течение 10 лет официальная статистика недооценивала рост мирового ВВП на 2% в год, что делает тезис о неуклонном замедлении роста производительности труда в мировой экономике в течение последних десятилетий дискуссионным» (<https://rg.ru/2017/04/03/kazakov-ekonomika-znanij-vyvela-v-lidery-tehnologicheskie-kompanii.html>).

⁷ См., например, «Прогноз научно-технологического развития России: 2030», ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2014 (https://prognoz2030.hse.ru/data/2014/12/25/1103939133/Prognoz_2030_final.pdf).

число разработанных передовых производственных технологий в 2016 г.⁸ в России выросло почти на 10% относительно тренда 2013–2015 гг. (рис. 5.2). При этом рост произошел не в «нашем всём» – сфере добычи, а в наиболее пострадавшей от кризиса обрабатывающей промышленности, а также в электроэнергетике, сфере электросвязи и ИКТ (рис. 5.2). При этом, однако, доля принципиально новых технологий в общем числе разработанных в России технологий не изменилась, оставшись на уровне 12,5%, хотя в некоторых секторах она заметно выросла. В частности, в секторе научных исследований эта доля составила в 2016 г. 20,3% против 15,5% в 2014 г. (рис. 5.3). Стагнация показателя по экономике в целом на этом фоне объясняется пикирующим снижением доли принципиально новых разработок у предприятий сектора добычи полезных ископаемых, где она упала с 30% в 2011 г. до 5,6% в 2015 г. и 0% в 2016 г. Что этому причиной – низкий относительно доли в мировой добыче уровень расходов компаний и государства на науку и инновации (около 1% от мировых), падение цен на нефть или введенные секторальные санкции, сказать трудно. Однако ясно, что ситуация выглядит неприемлемой при учете того, что коэффициент извлечения нефти (КИН) для разрабатываемых месторождений в России составляет в среднем около 25% (в мире у лидеров – до 45%). Кроме того, для разработки месторождений с трудноизвлекаемыми запасами (которых все больше) российским компаниям необходимы абсолютно новые технологии увеличения нефтеотдачи и интенсификации добычи. При этом России, обладающей крупнейшими запасами сланцевых углеводородов в мире, для их разработки необходим новый уровень знаний и совершенно новые компетенции в геологической науке и организации бизнеса.

Говоря о других новых технологиях, в первую очередь необходимых российской экономике, на наш взгляд, можно, в частности, назвать сельское хозяйство, развитие которого на новой технологической основе даже иностранным экспертам видится весьма важным с точки зрения развития всей мировой

Рис. 5.2. Число разработанных передовых производственных технологий по видам экономической деятельности, 2010–2016 гг.

Источник: Росстат.

⁸ 2016 г. – последний доступный по данному индикатору в базе Росстата период.

экономики. В «The Global Innovation Index-2017» сельскому хозяйству России посвящен отдельный раздел⁹, где отмечается, что, имея богатые земельные ресурсы и значительные производственные, научно-технические и образовательные возможности, Россия, скорее всего, будет играть важную роль в борьбе с глобальными вызовами, и что темпы роста производства и экспорта в ее сельском хозяйстве могут ускориться в дальнейшем из-за растущего спроса в развивающихся странах Африки и Азии на продукты питания, производимые Россией¹⁰. При этом, по нашему мнению, российские компании в совсем недавнем прошлом не только фатально недооценили последствия сланцевой революции (что всем известно), но и революции в агротехнологиях тоже, уповая, видимо, на природные богатства и обширные угодья. Теперь, по оценкам экспертов, необходимо наверстывать упущенное, оценивая экономические перспективы не только пресловутой генной модификации продуктов (новыми незапрещенными методами), но и прецизионного земледелия, агроробототехники и использования микроорганизмов для модификации почв.

Далее, на наш взгляд, с учетом огромной территории и относительно дешевого сырья, в России **перспективно развитие транспортного машиностроения, в частности, легкового автомобилестроения на платформенной основе** в силу того, что, как показывают мировой опыт и исследования авторитетных консалтинговых компаний, любая крупная развивающаяся страна до недавнего прошлого имела национальную марку легкового автомобиля, даже несмотря на наличие многочисленных качественных иностранных аналогов. Дело, видимо, в особенностях национальной психологии. Сейчас, правда, появились признаки изменения данного тренда. В ряде стран наблюдается сокращение или даже закрытие национального автопроизводства – например, в Израиле (несмотря на сверхвысокие пошлины на импортные автомобили), в Австралии, в ЮАР. Однако, на наш взгляд, в России все может быть иначе, учитывая возможности экспорта в

Рис. 5.3. Доля принципиально новых технологий в общем числе разработанных передовых производственных технологий, 2010-2016 гг., в %

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

⁹ Раздел написан сотрудниками ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

¹⁰ <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report>

страны бывшего СССР.

Иностранные (ЮНКТАД) и российские эксперты¹¹ также резонно отмечают, что на фоне политики «одна семья – один ребенок» и становления пенсионных системы в развивающихся странах эпоха относительно дешевого труда заканчивается, в связи с чем **перспективно развитие трудосберегающих технологий, в частности робототехники**, что для России, на наш взгляд, особенно актуально в силу нарастающего из-за демографических проблем дефицита работников. Хотя, например, в Китае с 2010 года парк роботов, по данным ЮНКТАД, увеличился в 4 раза, однако пока данный рынок еще не занят: роботов в мире, по данным той же ЮНКТАД, не более 2 млн единиц (в автомобильной, электротехнической и электронной промышленности) и они сосредоточены в основном (более 1 млн единиц) в США, Германии и Японии. Слабое развитие и географическая сегментация рынка, на наш взгляд, могут дать российским инноваторам в данной сфере определенные преимущества.

Также, на наш взгляд, для России крайне **актуально технологическое развитие сфер, способствующих совершенствованию человеческого капитала, в частности технологий, обеспечивающих дистанционное обучение и лечение**. При этом **крайне важно расширение высокотехнологичной медицинской помощи, затраты на которую дают почти мгновенную (с лагом в несколько недель или месяцев) экономическую отдачу**. При этом у России с относительно развитой системой государственной медицины есть возможности использовать возможности такого нового направления технологического прорыва, как биоинформатика¹² на основе широкомасштабного сбора данных, что важно для разработки новых лекарств и обеспечения хотя бы нишевого лидерства в ряде сфер быстро развивающегося и относительно свободного мирового фармацевтического рынка и рынка медицинских технологий и услуг.

¹¹ См.: Доклад о торговле и развитии, ЮНКТАД, 2017;

Д.Р. Белоусов, Презентация «Россия в глобальной экономике – возможные направления развития в изменяющемся мире», июнь 2017 г.

¹² Эта идея поддерживается, в частности, А.К. Пономаревым (Сколковский институт науки и технологий).

Для обеспечения диверсификации российской экономики и снижения макроэкономических рисков, связанных с ее отсутствием, **российской экономике крайне необходим высокотехнологичный финансовый сектор, с помощью которого можно как управлять рисками в сфере бюджетной и валютной ситуации, так и обеспечивать длинные кредиты для развития.** При этом развитие (в числе прочих) технологии распределенного реестра (блокчейна) в сфере финансов может оказать косвенное положительное воздействие на лечение другой хронической слабости российской экономики – низкой по факту прозрачности сферы госзакупок и высокой степени фаворитизма в распределении госконтрактов¹³.

Кроме того, на фоне усиливающейся нестабильности в связи с потребностью перестройки регулирования мировой экономической и политической системы в связи с резко возросшей долей в мировом ВВП развивающихся стран, не нашедшей пока адекватного отражения в деятельности международных организаций, резко усиливается потребность в снижении рисков развития, а значит, и в развитии и экспорте технологий, обеспечивающих энергетическую и кибербезопасность. В сфере энергетической безопасности у россиян, как известно, есть наработки в сфере оптимизации управления сетями, а в сфере кибербезопасности нельзя почитать на лаврах, учитывая неплохое развитие Интернета, и, судя по всему, **крайне важно активизировать исследования в сфере новых ИКТ на основе новой фотоники, что, в принципе, по мнению ведущих специалистов в данной сфере, позволяет на порядки увеличить скорость обработки и передачи информации**¹⁴.

Что сдерживает технологический прогресс и инновационное развитие российской экономики? Некоторые ответы на этот вопрос может дать вышедший недавно рейтинг конкурентоспособности стран мира, составляемый Всемирным

¹³ См. Комментарии о государстве и бизнесе, №140, с. 17:

<https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share//direct/210390798>

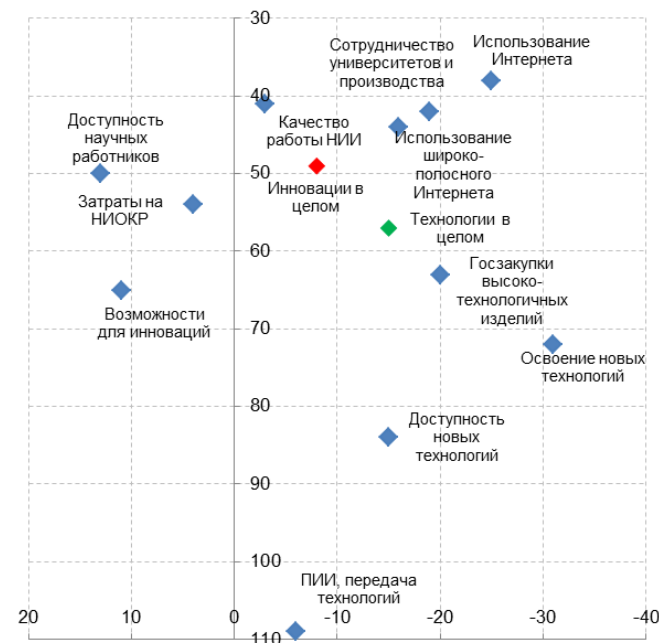
¹⁴ Эта идея высказывалась, в частности, А.К. Пономаревым (Сколковский институт науки и технологий) на весенней (2017г.) конференции в НИУ ВШЭ.

Экономическим Форумом (WEF). Россия занимает в нем 49-е место по развитию национальной инновационной системы, улучшив за десятилетие свое место на 8 позиций, и 57-е место по уровню технологической готовности, поднявшись за 10 лет на 15 позиций (рис. 5.4). Если говорить о факторах, составляющих сводные оценки инновационного и технологического развития, то следует отметить, что за прошедшие десять лет весьма существенно выросли лишь оценки, связанные с использованием сети Интернет и госзакупками высокотехнологичных изделий и их освоением. При этом само по себе развитие Интернета имеет лишь косвенное отношение к развитию высоких технологий; скорее всего, это связано с небывалой популяризацией в этот период социальных сетей и мобильного Интернета. Что касается госзакупок, то денег у государства на продолжение этого тренда все меньше.

Возвращаясь к теме факторов конкурентоспособности России в сфере инноваций и технологического развития, важно отметить, что многие важные индикаторы за последние десять лет изменились в лучшую сторону крайне незначительно. Это относится, в частности, к качеству работы научных учреждений и к затратам на науку и НИОКР, по объему которых относительно ВВП Россия занимает стабильно низкое место. По таким важным индикаторам, как доступность научных работников и возможности для инноваций, за прошедшие десять лет позиции России в рэнкинге заметно ухудшились (рис. 5.4), что неудивительно на фоне утечки мозгов и отсутствия роста спроса на инновации со стороны государственных компаний, получающих всестороннюю господдержку и находящихся в предпочтительном положении относительно частных компаний с точки зрения лоббирования своих интересов. Между тем инновационная активность госкомпаний, как отмечается в обследованиях, зачастую направлена во вчерашний или, в лучшем случае, в сегодняшний день, а не на перспективу, не на создание или освоение абсолютно новых секторов, что необходимо для выживания российской экономики в условиях коренных изменений на рынке энергоносителей.

Валерий Миронов

Рис. 5.4. Уровень (занимаемое место) и динамика (изменение места за 10 лет) основных факторов конкурентоспособности экономики России в сфере технологического развития и инноваций по оценке WEF в рейтинге конкурентоспособности стран мира 2017 г.

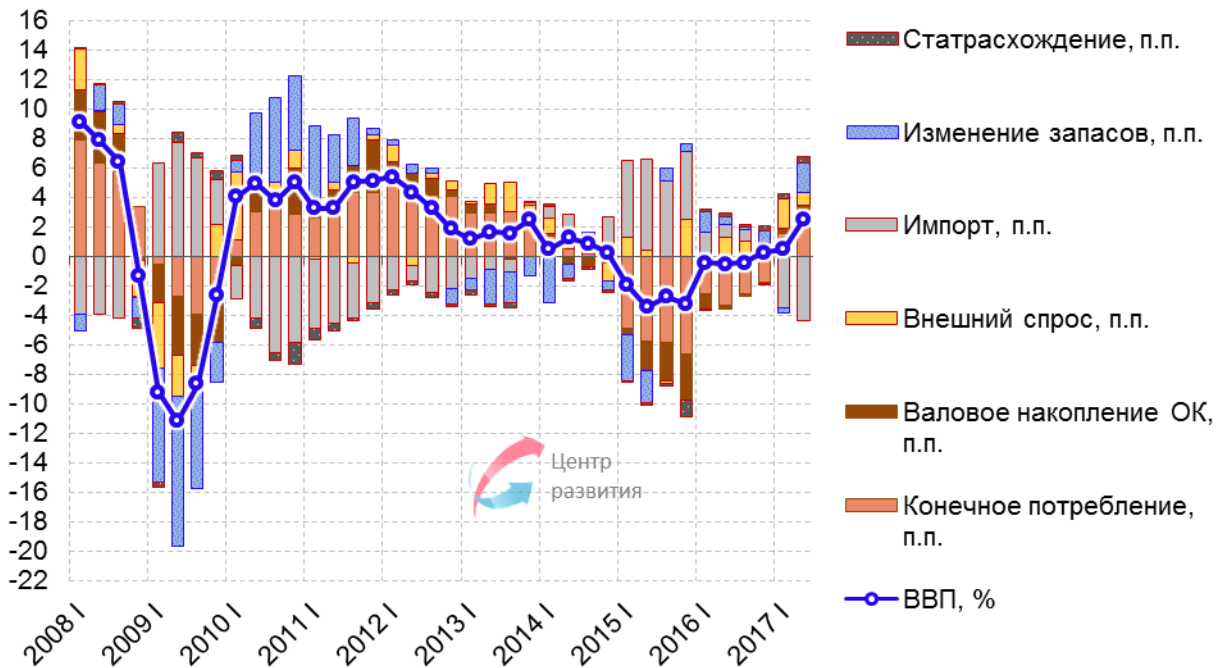

Примечание: Ось Y – место (rank) России в World Competitiveness Report 2017–2018; ось X – изменение места за 10 лет. На оси X показана разница в местах, занимаемых Россией по соответствующему показателю в итоговом рейтинге WEF в 2017 и 2007 гг. При этом минус означает улучшения положения России, то есть более высокое место в 2017 г. по сравнению с 2007 г.

Источник: World Economic Forum (WEF)-2017, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

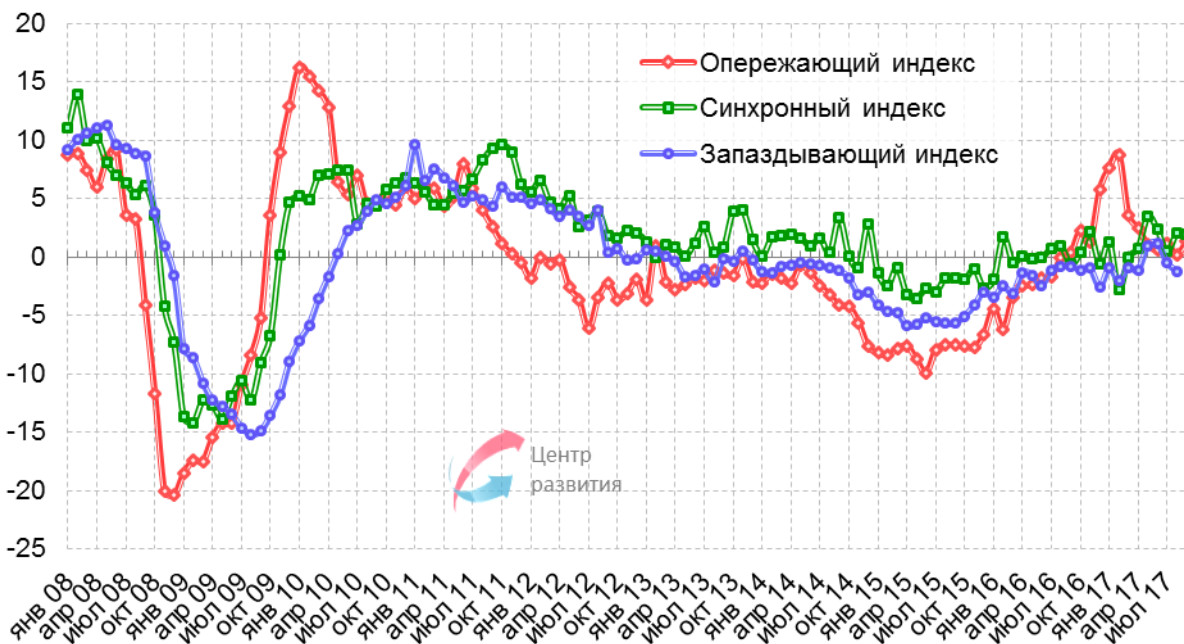
Экономика в «картинках»

Динамика ВВП и вклад в неё составляющих по виду спроса (прирост к соответствующему кварталу предыдущего года)

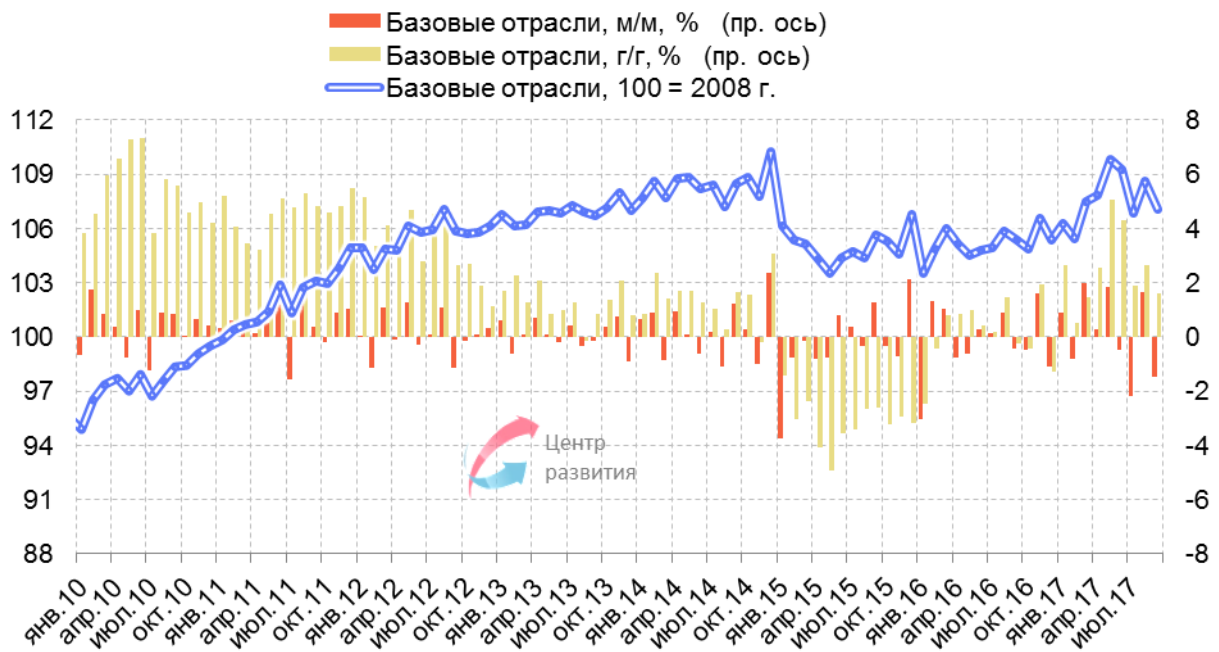

Циклические индексы (прирост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

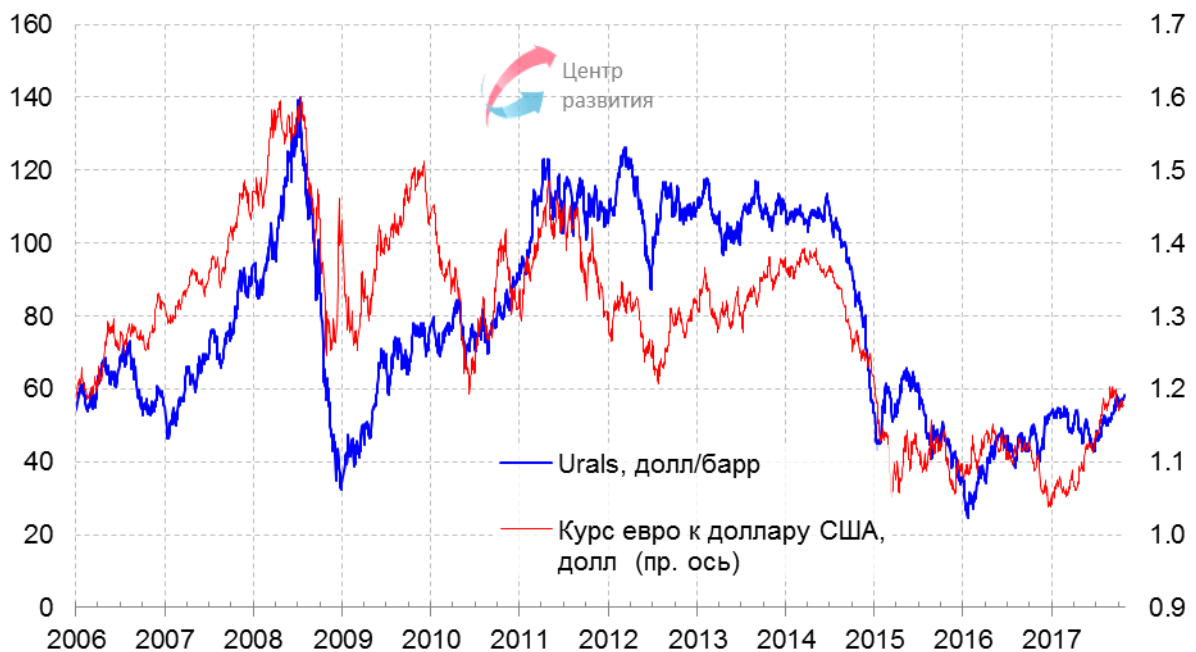
NEW

Динамика выпуска базовых отраслей, без сельского хозяйства (сезонность устранена)

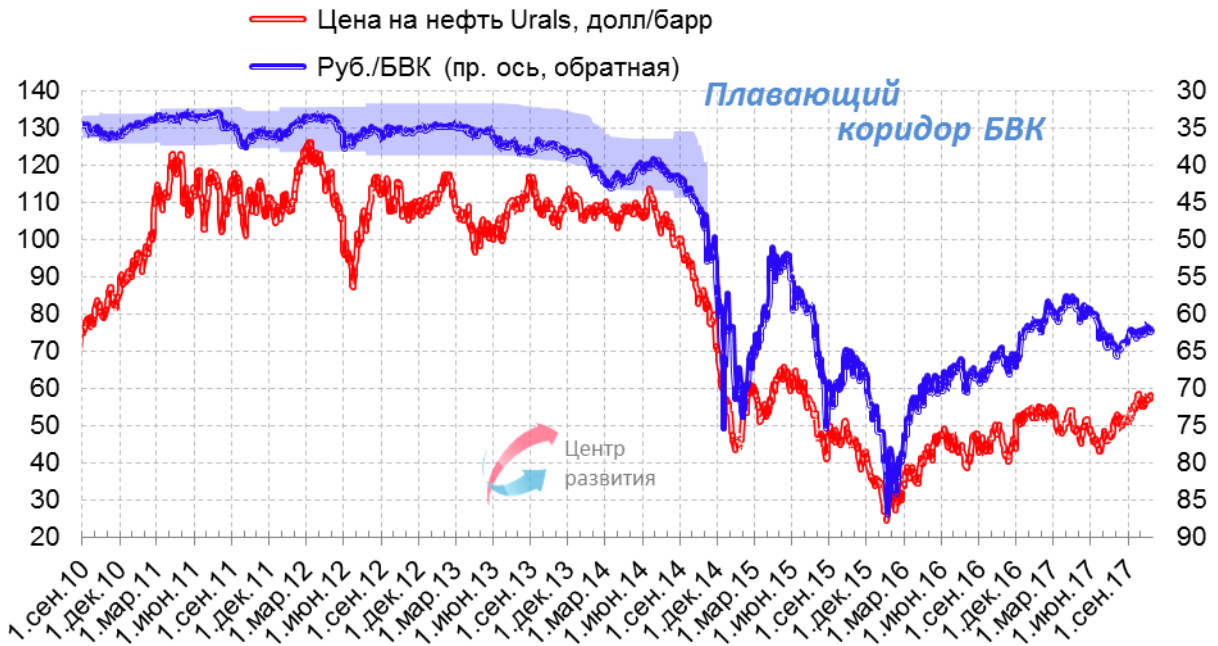

Динамика цен на нефть и курса евро к доллару

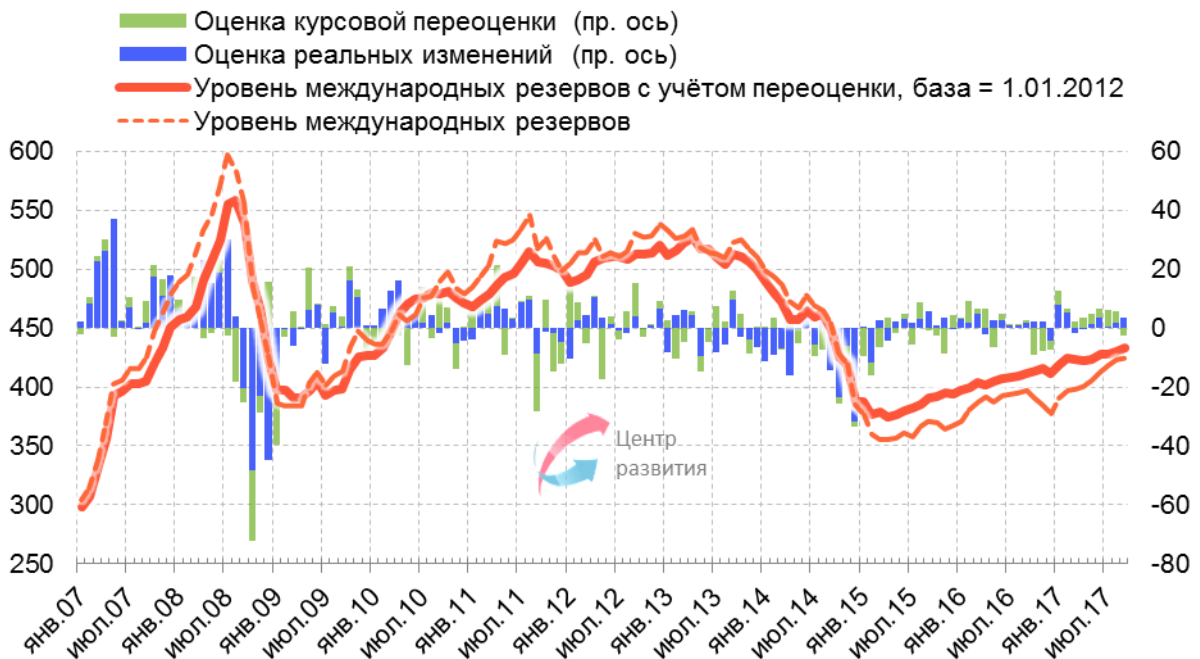
Динамика цен на нефть и курса рубля

NEW

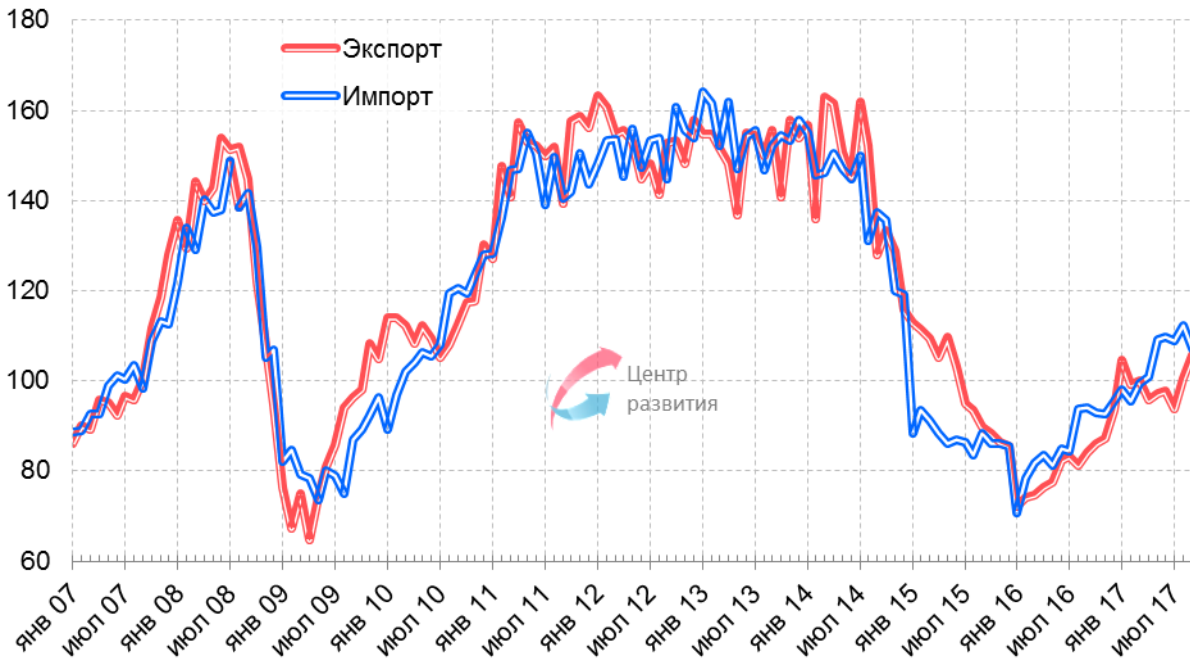
Динамика международных резервов (на конец месяца), млрд долл.

NEW

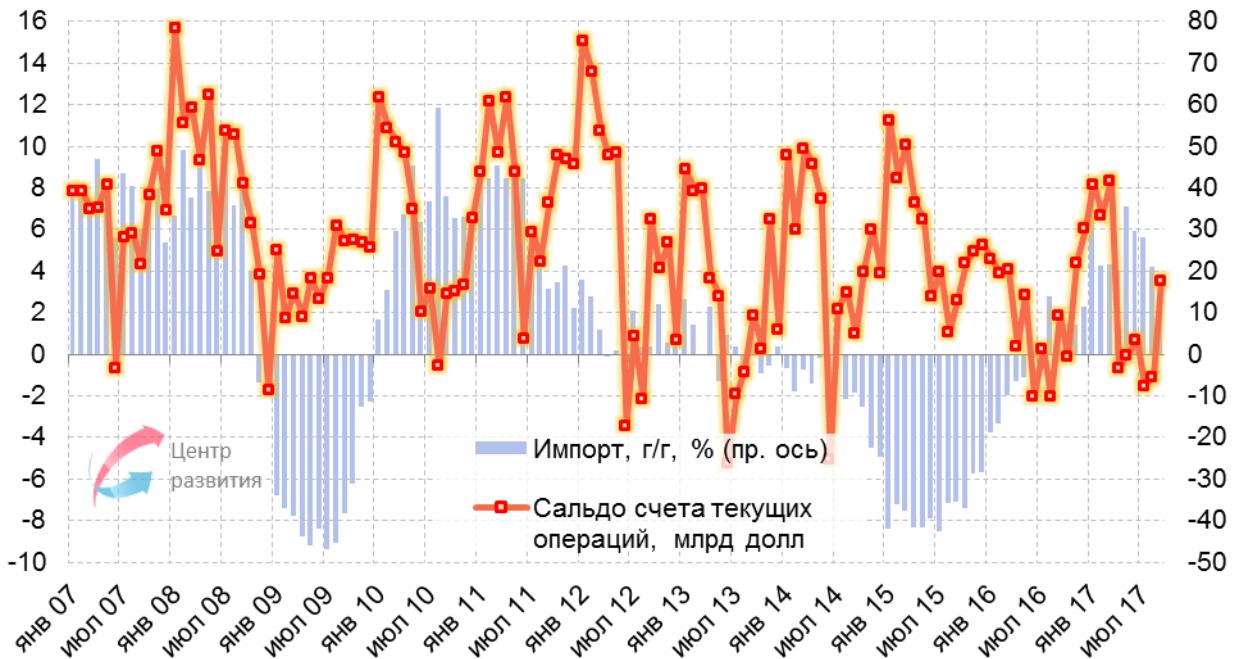
Внешняя торговля товарами (сезонность устранена, 100 = 2007 г.), в % [1]

NEW

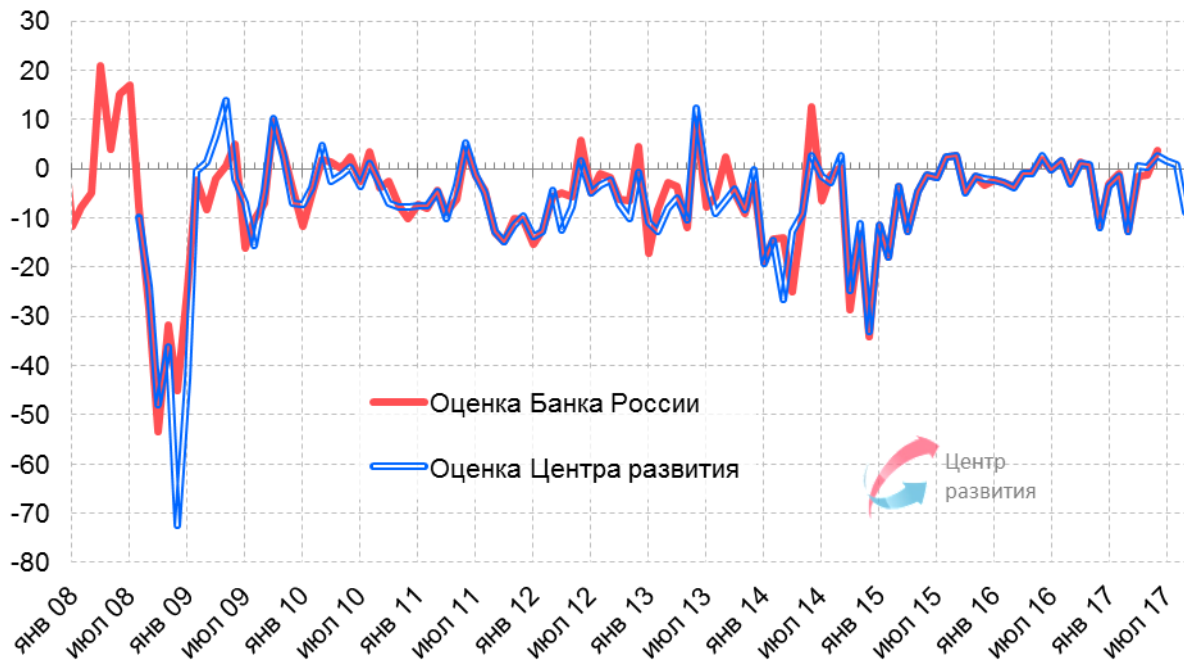
Динамика сальдо счёта текущих операций и импорта товаров [1]

NEW

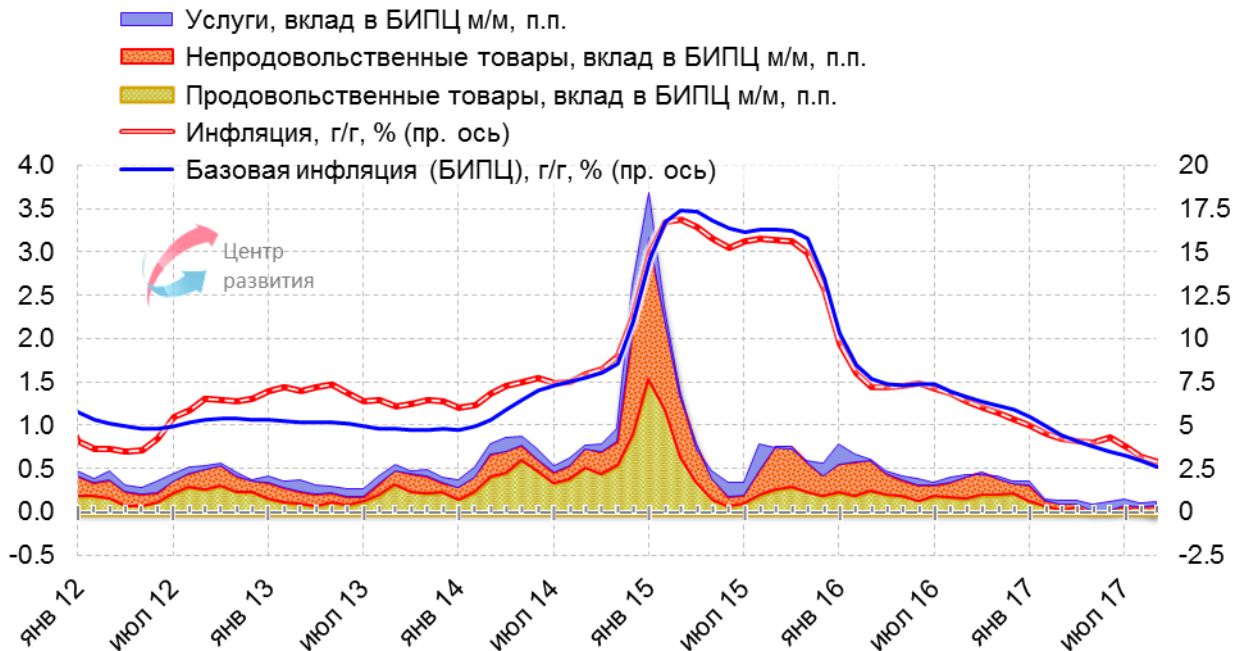
Чистый приток капитала, млрд долл.

NEW

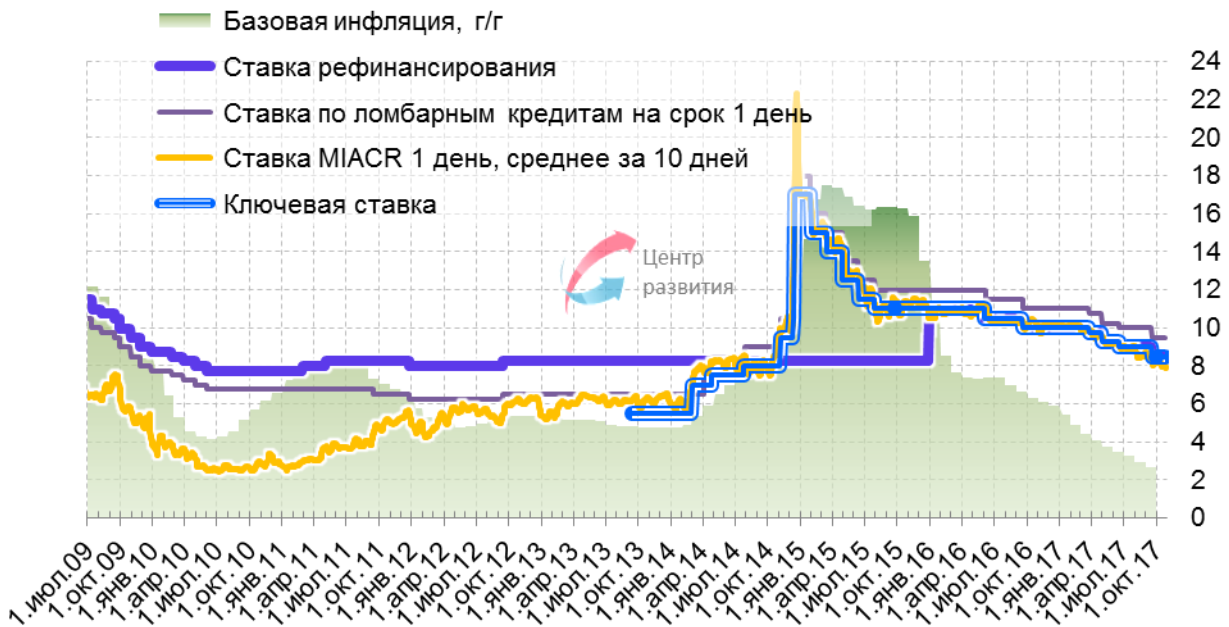
Динамика инфляции, базовой инфляции и вклад в базовую инфляцию за месяц различных компонент^[2]

NEW

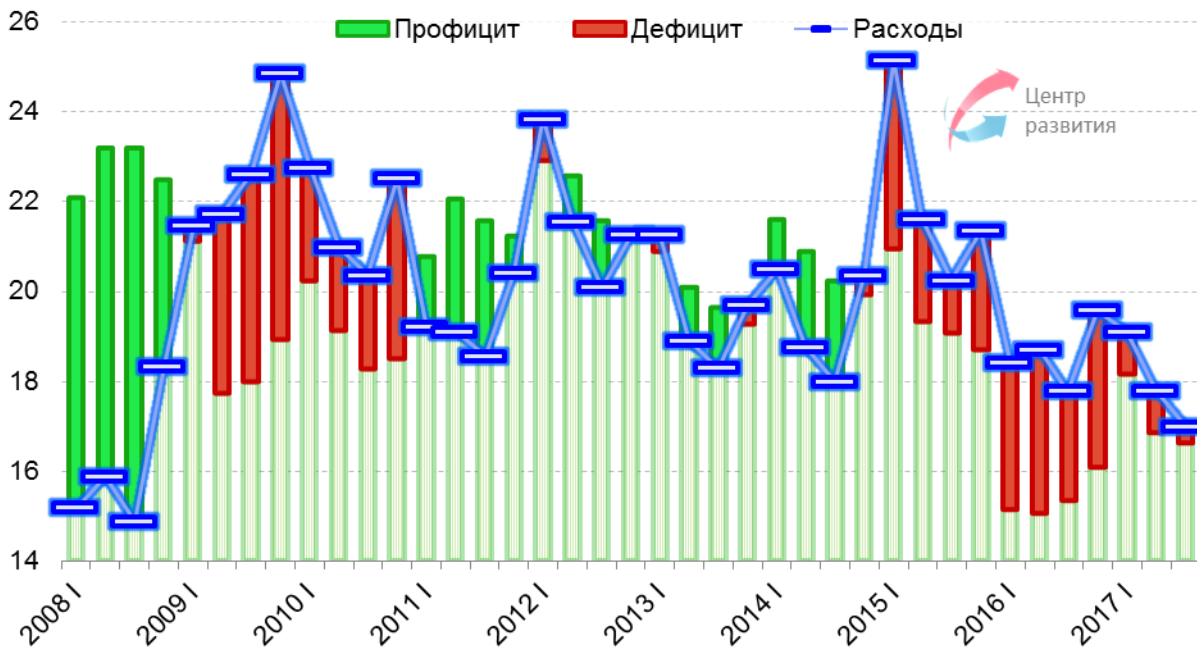
Динамика основных процентных ставок Банка России, ставок межбанковского рынка MIACR и базовой инфляции, в %

NEW

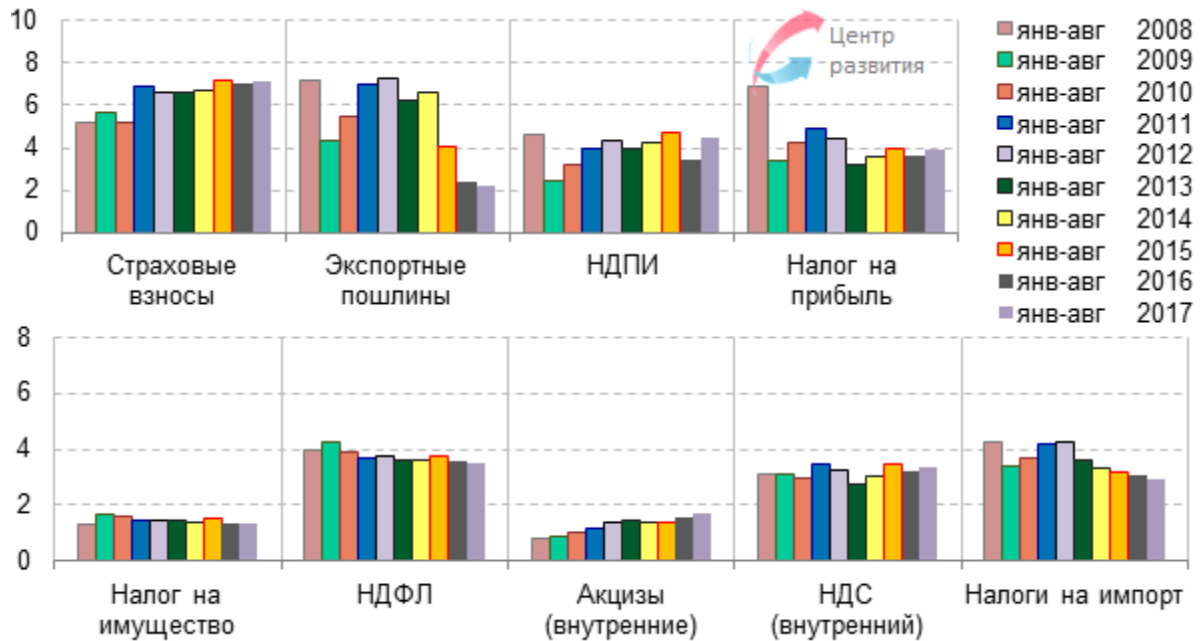
Исполнение федерального бюджета (накопленным итогом с начала каждого года), в % ВВП

NEW

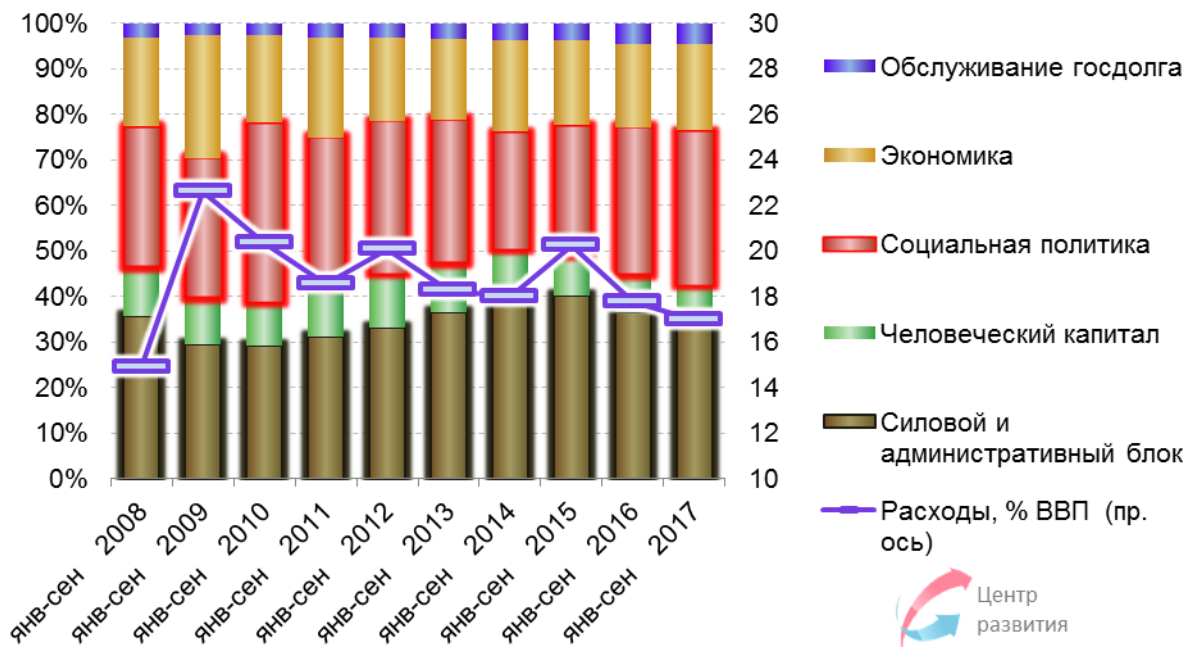
Доходы консолидированного бюджета, по видам налогов, в % ВВП^[3]

NEW

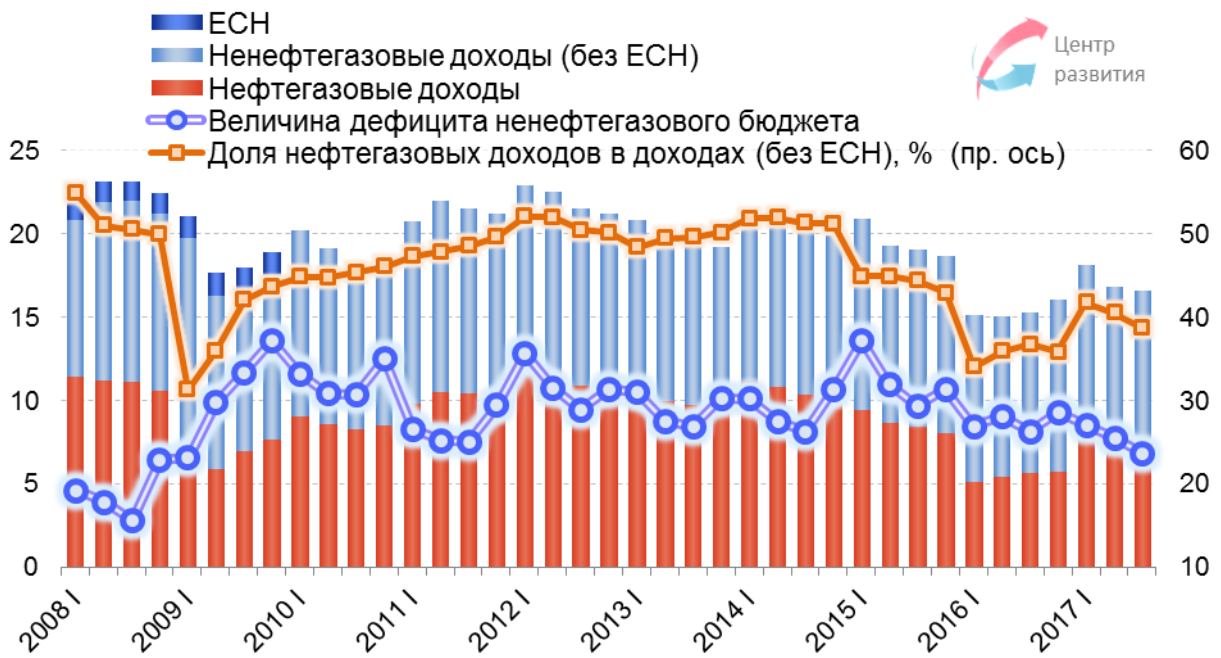
Структура расходов федерального бюджета, в %

NEW

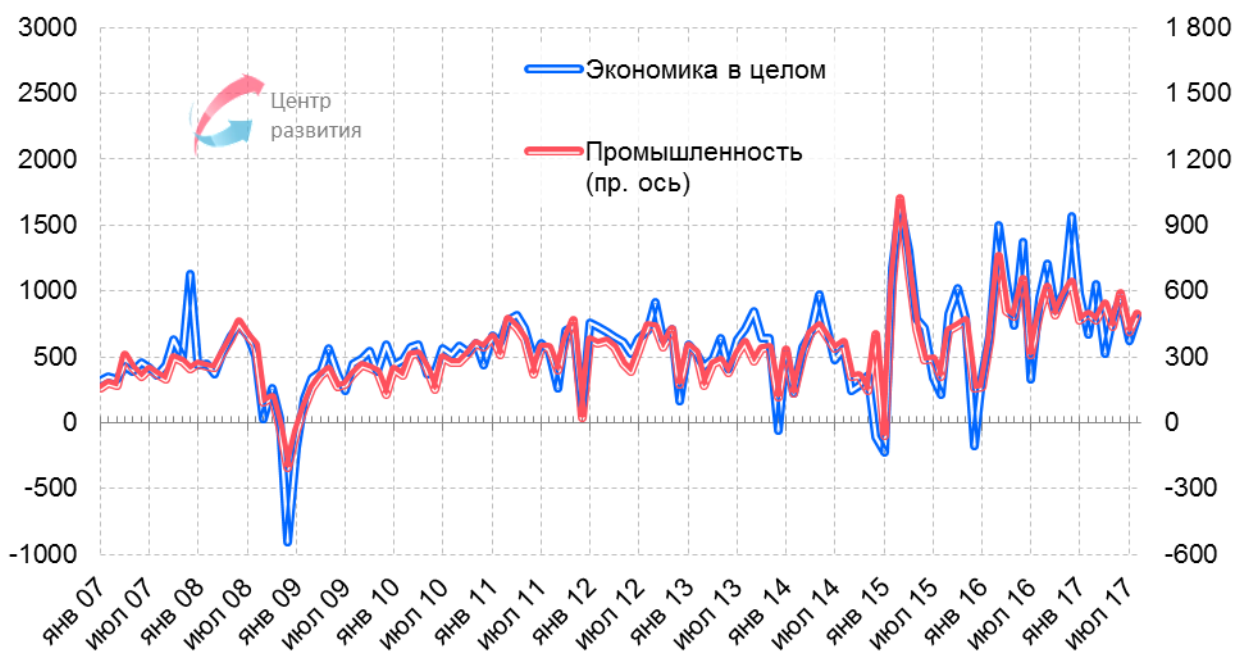
Доходы и нефтегазовый дефицит федерального бюджета, в % ВВП^[4]

NEW

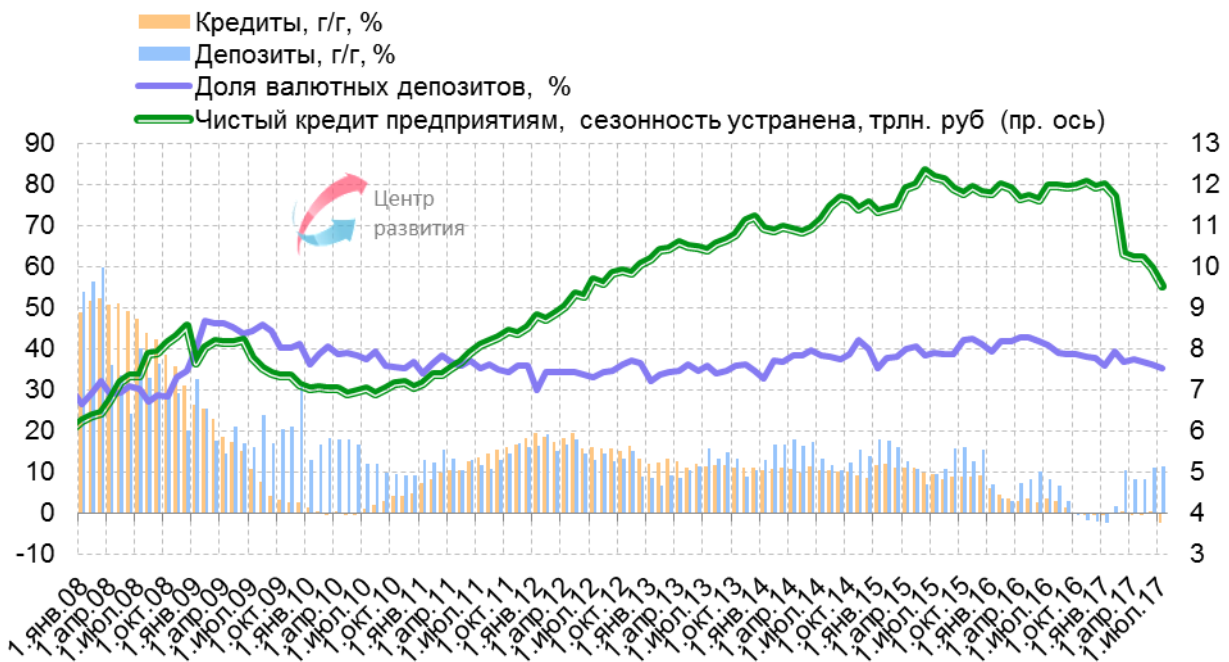

Динамика сальдированного финансового результата в экономике, млрд руб.

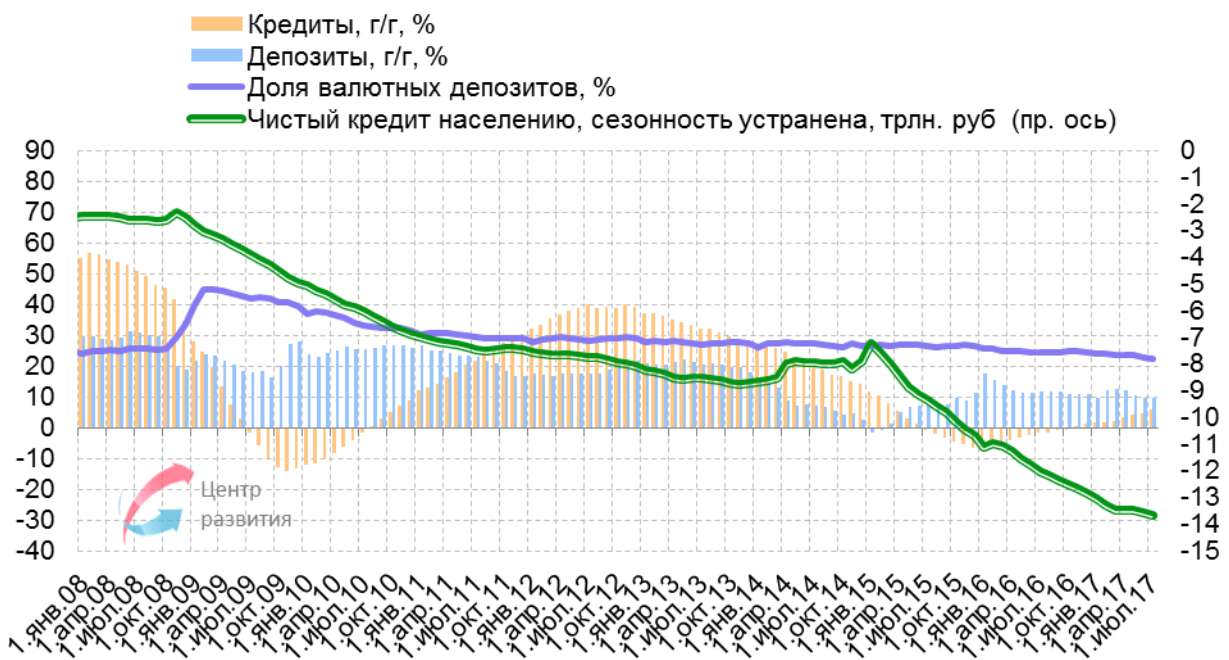
NEW

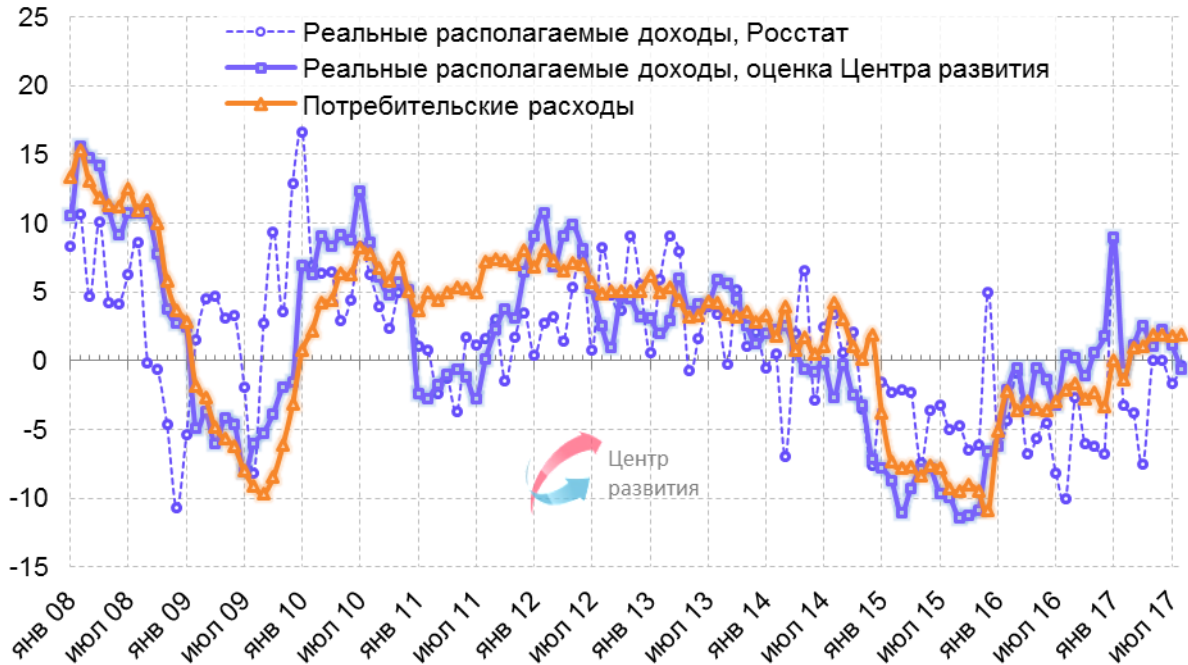
Динамика требований и обязательств предприятий реального сектора к/перед банковской системой (учтена валютная переоценка)

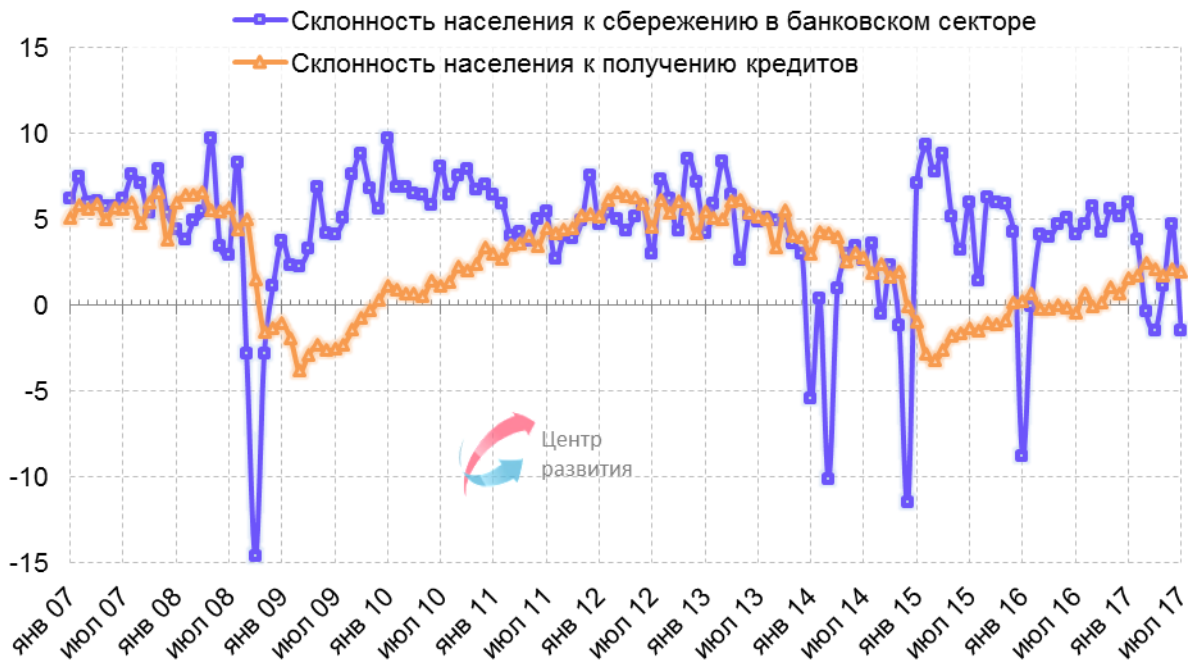
Динамика требований и обязательств населения к/перед банковской системой (учтена валютная переоценка)

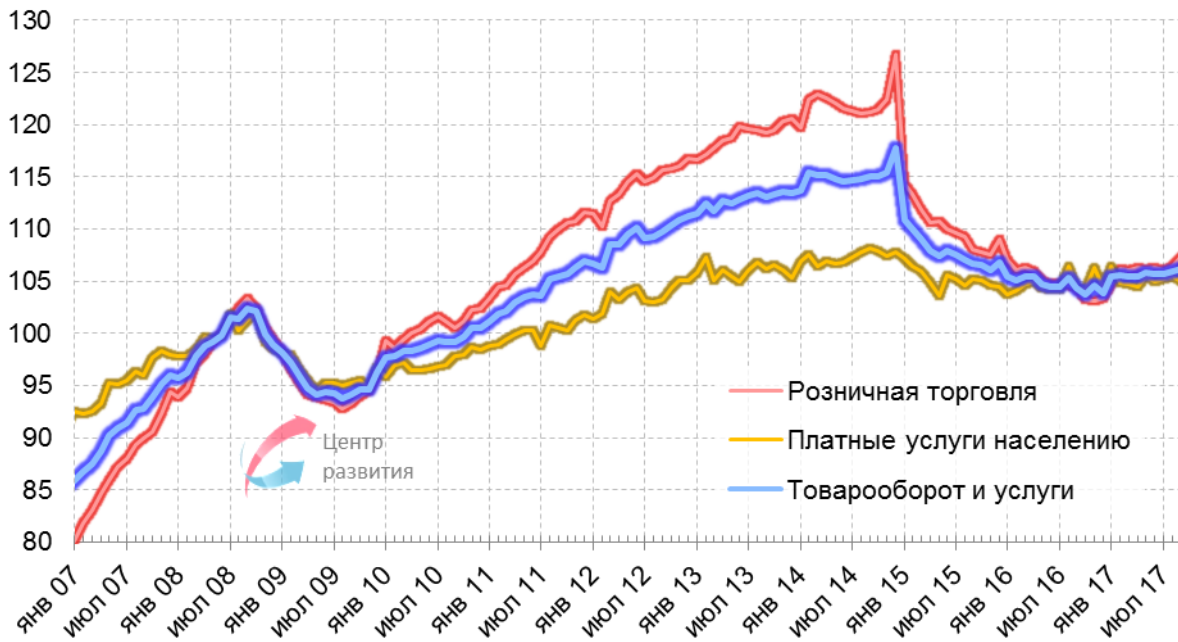
Динамика доходов и расходов населения в реальном выражении (прирост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

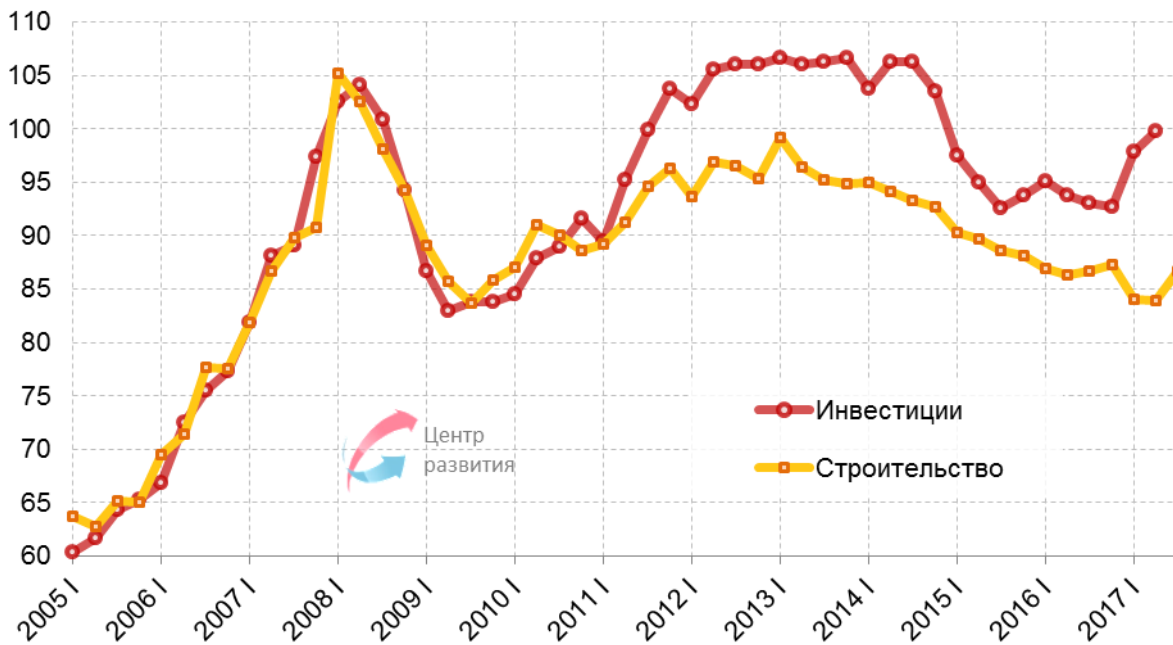
Склонность населения к сбережению и к получению кредитов (в % дохода, сезонность устранена) по методологии Центра развития

**Динамика товарооборота и платных услуг населению
(сезонность устранена, 100=2008 г.)**

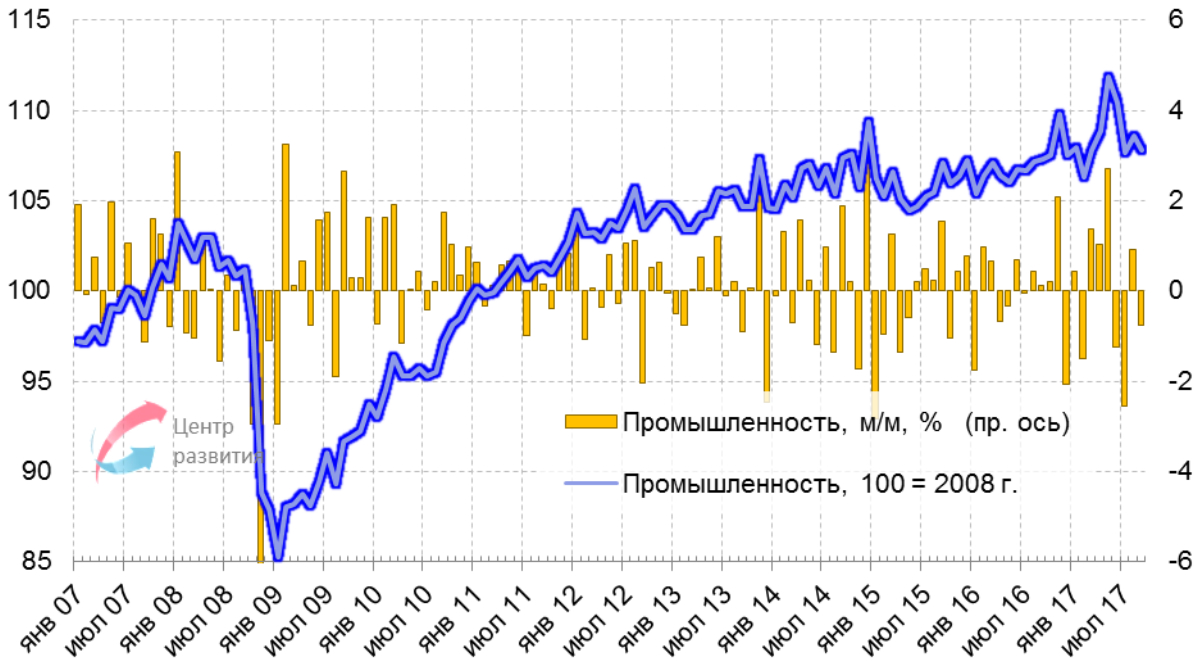

**Динамика инвестиций в основной капитал и строительства
(100 = 2008 г., сезонность устранена)**

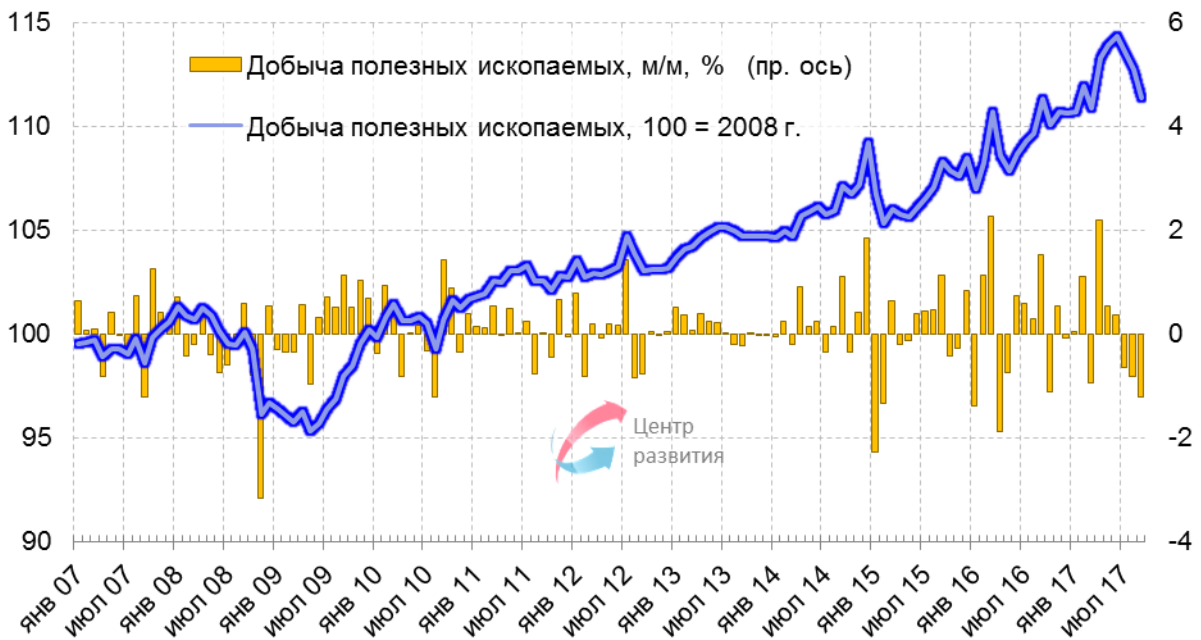
Динамика выпуска в промышленности (сезонность устранена)

NEW

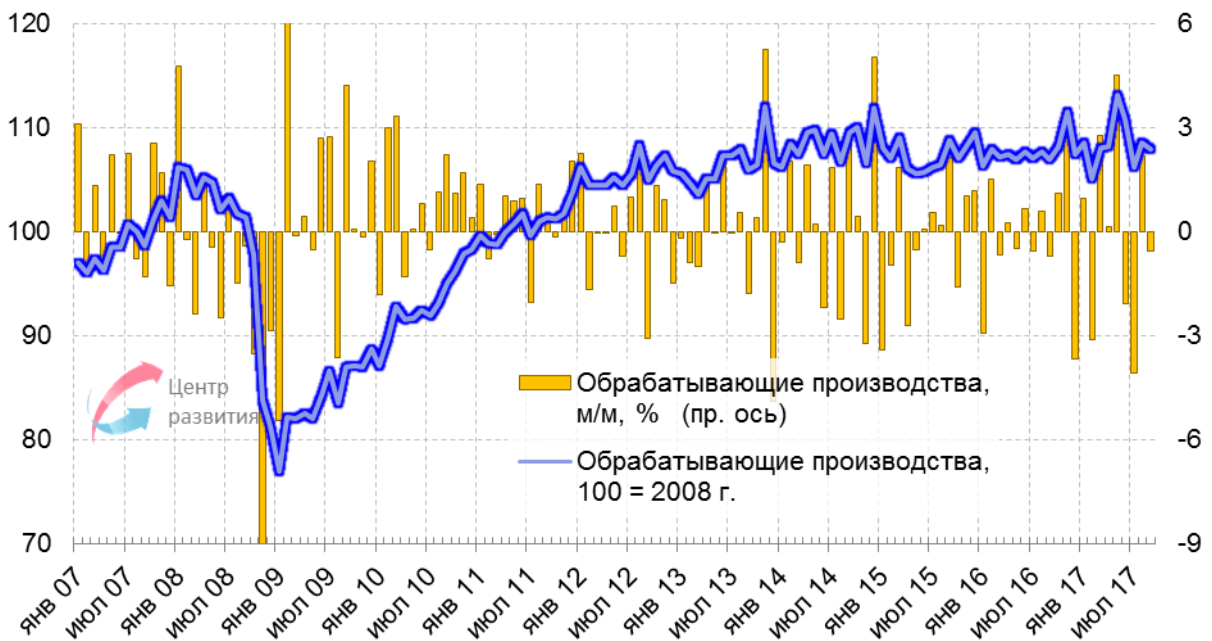
Динамика выпуска в добывающих отраслях (сезонность устранена)

NEW

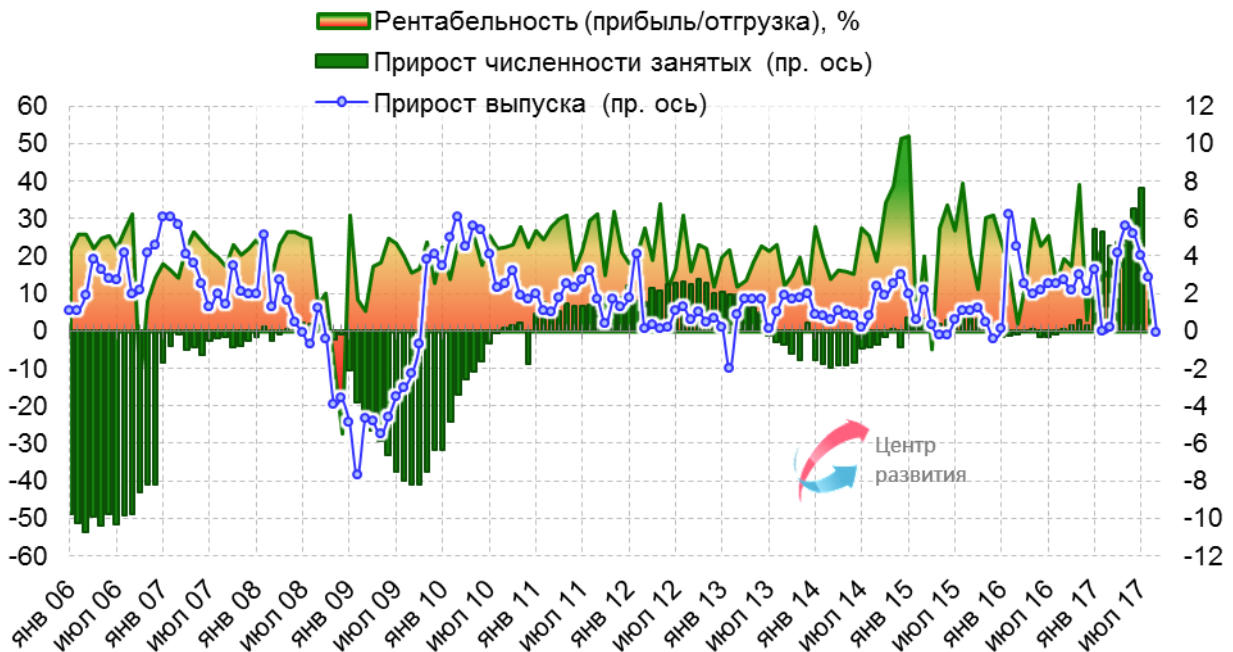
Динамика выпуска в обрабатывающих отраслях (сезонность устранена)

NEW

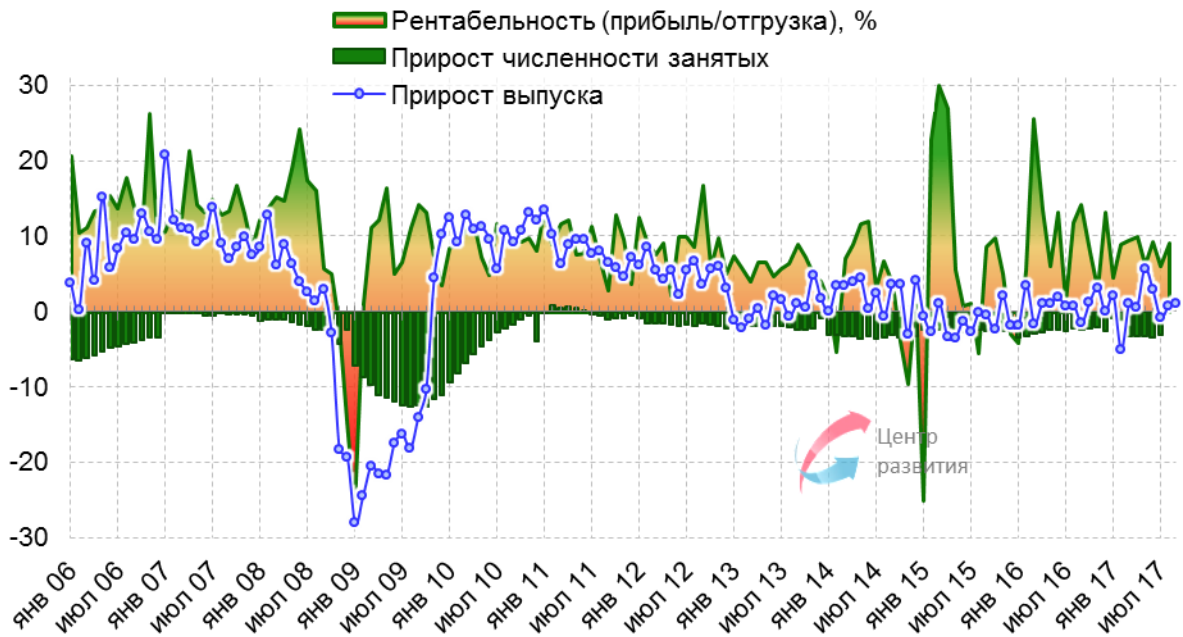
Показатели состояния добывающих отраслей (рост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW

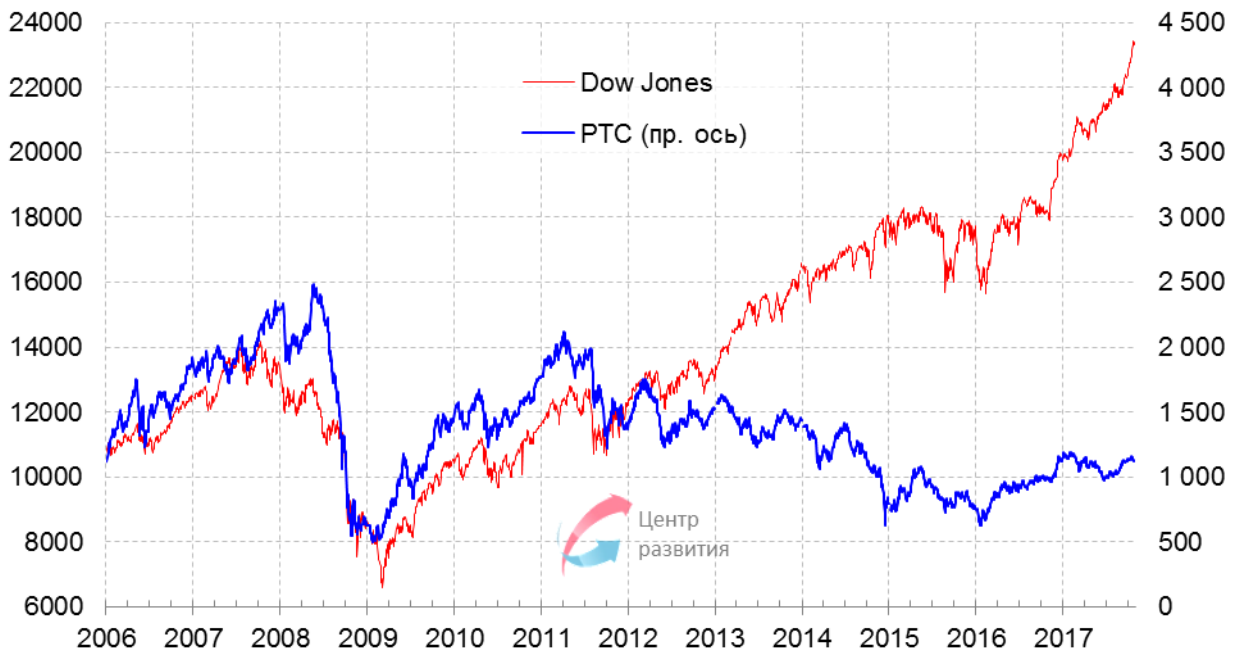
Показатели состояния обрабатывающих отраслей
(рост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW

Динамика фондовых индексов

NEW

КОММЕНТАРИИ К «КАРТИНКАМ»

^[1] Данные по внешней торговле за сентябрь 2017 г. и по счету текущих операций за период с июля по сентябрь 2017 г. являются оценками Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

^[2] В базовой инфляции (БИПЦ) по методологии Института «Центр развития» НИУ ВШЭ не учитывается изменение цен: из числа продовольственных товаров – на плодоовощную продукцию, яйца и алкогольные напитки, из числа непродовольственных товаров – на бензин, меховые изделия и табачную продукцию, из числа услуг – на транспортные, жилищные, коммунальные, образовательные, санаторно-оздоровительные и услуги дошкольного воспитания; все значения по правой оси (год к году) с относительно небольшой погрешностью соответствуют значениям на левой шкале (месяц к месяцу), приведённым в годовое представление.

^[3] НДС внутренний – НДС, уплаченный с товаров, реализованных внутри страны, за исключением вычетов с ввозимых товаров; акцизы внутренние – акцизы, уплаченные с товаров, произведённых на территории России; налог на импорт – сумма внешних акцизов, внешнего НДС и ввозных пошлин.

^[4] Единый социальный налог, начиная с 2010 года, не взимается.

Команда «Центра развития»

Дарья Авдеева

Наталья Акиндинова

Елена Балашова

Николай Кондрашов

Людмила Коновалова

Алексей Кузнецов

Валерий Миронов

Дмитрий Мирошниченко

Светлана Мисихина

Сергей Пухов

Наталья Самсонова

Сергей Смирнов

Ксения Чекина

Алёна Чепель

Андрей Чернявский

Ждем Ваших вопросов и замечаний!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ: тел./факс +7 (495)625-94-74, e-mail: info@dcenter.ru, <http://www.dcenter.ru>.

НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»: тел. +7 (495) 621-79-83, e-mail: hse@hse.ru, <http://www.hse.ru>

Вся информация, представленная в Выпуске, базируется на данных официальных органов и расчетах Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики».

При использовании, частичном или полном, материалов, изложенных в настоящем Выпуске, необходимо указывать ссылку на Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году